

Наталья Александрова

Пророчество
Пятой скрижали

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Пророчество Пятой скрижали

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Пророчество Пятой скрижали / Н. Н. Александрова —
«Издательство АСТ», 2024 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-157881-7

На заре цивилизации великая Атлантида пала жертвой природных катаклизмов. Уцелевшие жрецы перебрались в Шумер и сохранили главную реликвию — книгу знаний, которую запечатали в камне до тех пор, пока боги не решат явить ее миру. В наши дни Марина Ершова, обычная помощница режиссера, застаёт мужа в постели с красавицей - телеведущей и, решая отомстить, устраивает невинные шалости, даже не подозревая, чем это обернется. Разлучница погибает при взрыве машины, а на саму Марину открывается охота, и ее жизнь превращается в настоящую катастрофу. Вместе с супругом жертвы ей предстоит распутать клубок интриг, которые странным образом связаны с тайнами древних цивилизаций и даром Пятой скрижали... Ранее книга издавалась под названием «Золото Атлантиды».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157881-7

© Александрова Н. Н., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Наталья Александрова

Пророчество Пятой скрижали

© Н. Александрова, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Смуглый худощавый мужчина неопределенного возраста с узкими немигающими глазами шел по кривой торговой улочке шумного южного города. Вокруг него текла непрерывная толпа туристов, а из окружающих лавчонок доносились зазывные голоса продавцов, предлагавших ковры и духи, восточные лакомства и сувениры.

Вдруг сильная рука схватила мужчину за плечо и втащила в открытые двери сувенирной лавки. Он попытался вырваться, хотел позвать на помощь, но к его губам поднесли платок, смоченный остро пахнущей жидкостью. В глазах потемнело, и мужчина потерял сознание.

Пришел он в себя довольно скоро. Впрочем, может быть, времени прошло и много – он не мог об этом судить.

Он находился в глубоком кресле перед длинным столом в большой полутемной комнате, по обе стороны от которого сидели люди, очень странные люди. Все они были облачены в яркие восточные одежды, а их лица скрывали маски: зверей и птиц, фантастических сказочных чудовищ – маски древних богов.

– Где я? – проговорил мужчина хриплым, чужим голосом. – Кто вы? Что вам от меня нужно?

Ему ответил человек в маске хищной птицы:

– Ты среди друзей. Точнее, среди соотечественников, соплеменников. Мы, как и ты, принадлежим к великому древнему народу. Когда-то наш народ обладал славой и могуществом, но боги отвернулись от нас, и сегодня о нас мало кто знает. Мы – члены верховного храмового совета, служители древних богов. Сегодня звезды расположились благоприятным образом, судьба благосклонна к нам. Мы можем вернуть нашему народу его былую утраченную славу...

Он замолчал, но тут же заговорил другой человек – в маске шакала:

– Ты избран. Звезды указали на тебя. Ты должен найти нашу древнюю священную реликвию. И если тебе это удастся – ты станешь одним из нас, одним из членов совета, одним из вершителей судеб всего человечества. Для этого тебе придется немало потрудиться, возможно, нарушить человеческие законы, но цель оправдывает средства. Запоминай все, что мы тебе скажем...

Смуглый мужчина с узкими холодными глазами снова оказался посреди шумной улицы. Толпа туристов обтекала его, кто-то недовольно ворчал то ли по-шведски, то ли по-норвежски. Он пытался понять, что с ним только что произошло. Было ли это на самом деле, или от жары и усталости случился короткий обморок? В последнее время у него часто случались такие обмороки. Иногда они сопровождались галлюцинациями. Но никогда эти галлюцинации не были такими яркими, такими достоверными и правдоподобными.

Он слишком отчетливо помнил темную комнату и людей в масках древних богов. Помнил их слова и какое важное дело они доверили ему.

И он понял, что выполнит порученное ему. Выполнит, чего бы это ни стоило...

* * *

Марина вышла из маршрутки и плюхнула чемодан прямо в лужу. Господи, скорей бы домой – принять душ, отдохнуть хоть немного. Она представила, как сидит с чашкой кофе в

гостиной перед открытым балконом и теплый ветерок слегка колышет легкие шелковые занавески.

Утром в городе шел дождь – частое явление, хоть и лето на дворе. И сейчас над асфальтом вился легкий прозрачный парок, сквозь облака просвечивало неяркое солнце, и опасные темно-фиолетовые тучи спешно уходили далеко, на запад.

Поездка была ужасной. И зачем только она согласилась ехать в купе маминого соседа Валерки? Когда он узнал, что Марина едет дневным, расшумелся: «Зачем тебе столько времени тратить, да столько денег за билет платить? Поедешь у меня в купе, всего одну ночь поспишь, как королева». И мама его поддержала – нехорошо, мол, человека обижать, он к нам со всей душой. Опять же, в дороге не одна будешь.

Марина и согласилась. Ну, конечно, Валерка парень свой и приставать к ней ночью и не собирался. Но ходок он был еще тот и, как выяснилось, водил шашни с разбитной проводницей из соседнего вагона. Очень, сказал, удобно, далеко ходить не надо, и при этом нагло хохотнул. Марине стало ужас как стыдно, потому что она хорошо знала Валеркину жену – тихую безвредную Катю. Теперь придется за собой следить, чтобы не проболтаться.

Валерка устроил ее в купе и ушел до утра, а ей велел сидеть тихо и не отзываться на стук. Верно знал, что пассажиры будут скандалить. И правда, сначала в вагоне шумела пьяная компания, и совались они в купе то за стаканами, то за полотенцами, а после, когда те уже окончательно распоясались, стали стучаться и остальные пассажиры. Так что ночка у Марины выдалась беспокойная. А утром явился Валерка, как сытый кот, еще и денег с нее взял не так чтобы мало за такую, с позволения сказать, поездочку.

Так что сейчас она мечтала только о покое. Хорошо, что впереди длинный, свободный день. Антон ее ждет только к вечеру, так что она и звонить ему не будет.

Марина вытащила чемодан из лужи, при этом забрызгав новые кроссовки, но не обратила внимания на такой пустяк.

Можно было бы пройти между домами – так будет быстрее, однако там что-то копали, и теперь, после дождя, земля превратилась в грязное месиво... Марина вытянула шею и тут же непроизвольно метнулась за угол: на улице резвился пекинес Зои Петровны по кличке Дюша – их с Тимкой кошмар.

Дюша терпеть не мог детей, причем всех, от младенцев грудного возраста до четырнадцатилетних оболтусов, что тусуются во дворе. Не имело значения, пытался ли ребенок его погладить или просто проходил мимо. Дюша кидался на детские коляски, самокаты и велосипеды, сбивал с ног девчушек на роликах, прыгал с лаем на мамочек, которые хватали своих детей на руки. Надо сказать, что обычно дело кончалось перепачканной одеждой и порванными колготками: по причине малых размеров Дюша не мог нанести взрослым большой урон, но детей мог напугать.

Дом у них был относительно новый, люди поселились в нем приличные, поэтому никто мерзкую собачонку не прибил, все жаловались исключительно словесно. Зоя же Петровна, обычно вполне вменяемая тетка, становясь на защиту своей собаки, совершенно теряла человеческий облик.

У Марины с ней тоже случился конфликт, когда Дюшка с лаем выскочил из-за угла и Тимка от неожиданности упал с самоката. Разорвал ногу до крови, испачкал новые джинсы. Марина не любила ругаться, но тогда они с Зоей крупно поговорили.

Все же многочисленные жалобы подействовали, и теперь Зоя Петровна выгуливала свое мохнатое чудовище в стороне от дорожки и детской площадки. И все равно встречаться с ней не хотелось.

Марина обошла дом с другой стороны и вышла прямо к своему подъезду. У лифта ей никто не встретился.

Она долго копалась, доставая ключи, потом открыла дверь и вкатила чемодан. Прихожая у них была маленькая – помещались только вешалка да стойка для обуви. На этом Марина настояла, когда ремонт делали: чтобы, как войдешь, сразу снять все уличное и в квартиру идти уже в чистых тапочках. Тимка тогда был маленький совсем, по полу ползал, все в рот тянул. И дверь из прихожей закрывалась плотно, чтобы он туда и не совался.

Марина перевела дух – наконец-то она дома, скинула легкую куртку, расшнуровала кроссовки и босиком шагнула в маленький коридор перед кухней.

На кухне было грязновато, в раковине кисла грязная посуда, причем не вчерашняя, как машинально отметила Марина. Ну да, ее не было три дня, вот как раз... Она подавила привычное удивление – неужели ему лень даже посудомойку заправить, но радость от возвращения домой все перевесила. С этим она разберется потом.

Между кухней и гостиной двери не было, только полукруглая арка, поэтому, войдя на кухню, Марина услышала странные звуки: кто-то ахал, охал и визжал. Еще был какой-то ритмичный скрип и стук. Сердце мгновенно остановилось, а потом покатилося вниз. Что это? Кто здесь, в пустой квартире? Воры? Их грабят?

Но тут визг перешел в крик, которому вторил мужской голос. Голос ее мужа Антона. Все ясно. Неясно только, отчего такой стук и грохот.

Здравомыслящая часть натуры приказывала Марине немедленно уйти из квартиры, причем как можно тише, чтобы ее не заметили: ну нет ее здесь, не вернулась еще от мамы, поезд прибудет только к вечеру. И все забыть – не была, не слышала, не видела.

Но кто в такой ситуации слушается здравого смысла? Кляня себя, Марина сделала несколько шагов в сторону арки и увидела голого Антона: его мускулистую спину, покрытую потом, и все, что ниже. Вот как. Стало быть, в семейную постель свою девку постеснялся привести. Устроились в гостиной на диване.

Она спохватилась, что эти двое могут ее увидеть, но куда там! Они были так увлечены процессом! Лица его партнерши не было видно, и Марина снова приказала себе немедленно уйти, чтобы не допустить скандала. Однако ноги сами шагнули в ту сторону, откуда в зеркальной дверце шкафа можно было увидеть все, что происходит на диване. И в частности лицо этой девки.

А когда она увидела это лицо – запрокинутое, искаженное, с закушенной губой, но все же невероятно знакомое, – Марине показалось, что пол уходит у нее из-под ног, как на корабле при сильной качке. Кроме того, было ощущение, что ее с размаху ударили под дых, хотя ее никогда не били. Дыхание перехватило, и Марина шлепнулась бы на пол, если бы не оперлась о стену.

Комната перестала кружиться перед глазами, и шум в ушах пропал, потому что Марина неосознанно заблокировала все чувства. Теперь в голове стучала только одна мысль: бежать! Бежать отсюда как можно быстрее и незаметнее.

Она сделала несколько шагов назад и даже порадовалась, что босиком: эти двое ничего не услышат. И дверь в прихожую сумела прикрыть за собой неслышно.

На миг сознание покинуло ее, и она очнулась, сидя на полу. Нет, нужно взять себя в руки, она подумает обо всем этом потом, в безопасном месте. Только вот где оно, это безопасное место?

Торопясь, натянула носки и кроссовки, сдернула с вешалки куртку. Взяла чемодан в руки, чтобы колеса не стучали по плитке. Так, вроде бы в прихожей все как было. Хотя они ничего не заметят: муж – потому что мужчина, они вообще мелочей не замечают, а эта... эта слишком самоуверенна, ей наплевать на всех людей ниже ее.

Марина не стала ждать лифта, а спустилась по лестнице, не замечая тяжести чемодана. Внизу в подъезде имелась небольшая кладовка, где держали коляски, детские велосипеды, а

также ящик с всевозможными песочными принадлежностями, чтобы не таскать грязь в квартиры.

Открыла дверцу своим ключом, отодвинула пластмассовый грузовик и сломанный самокат, протиснулась мимо детских колясок и запихнула свой чемодан за клетку соседей Барабановых. Клетка – шикарная, двухэтажная, с разными прибабасами – была куплена для попу-гая, но он прошлой осенью улетел на улицу, и безутешные хозяева пристроили клетку сюда. Дескать, смотреть на нее – сердце разрывается, а вещь дорогая, выбросить жалко.

Во дворе ей никто не встретился, и Марина усмехнулась: повезло, хотя врагу лютому не пожелаешь такого везения! Села в первую попавшуюся маршрутку – все равно куда, лишь бы подальше отсюда, и через некоторое время оказалась в незнакомом месте. Она проехала еще немного и вышла возле парка. Погода была хорошая, в парке гуляли молодые мамы с детками – их было не очень много, так как все на лето потихоньку разъезжались из города.

Марина села на пустую скамейку и закрыла лицо руками. Вот, оказывается, как все обстоит. Как в плохом анекдоте – приезжает жена не вовремя и застает мужа с любовницей. Все бы ладно, в конце концов, со всяким может случиться. Хотя... они были женаты семь лет, и ни разу Антон не давал ей повода сомневаться...

Вранье, тут же поняла Марина, все это вранье, просто она ему доверяла. Ну не ревнивая она женщина, спокойная в этом плане. Не приюхивалась к мужу, вернувшемуся поздно, не обшаривала его карманы, не рылась в телефонных сообщениях. Успокаивала себя мыслью, что вся его жизнь на виду.

У него были друзья. Старые, школьные друзья. «А у кого их нет? – говорят люди. – Все мы в школе учились». Так да не так. Обычно бывшие одноклассники встречаются сначала часто – каждый год, потом через пять лет, потом через десять. Соберутся в ресторане, выпьют, похвастанутся своими успехами и достижениями – и разойдутся, чтобы забыть друг друга до следующего раза.

Компания ее мужа была особенной – они дружили всегда: трое мальчишек и две девочки. Как пришли в пятый класс в новую школу, так и образовали свой круг, в который никого не пускали, исключая, конечно, жен и мужей. «Ну, – притворно вздыхал Антон, – от вас-то куда денешься?»

С окончания школы прошло без малого двадцать лет. Ну да, им сейчас по тридцать пять, как раз недавно отмечали день рождения Рябоконой. И всегда эти пятеро были вместе. «Ты это не тронь, – говорил Антон, – это у нас навсегда, я с ними познакомился, когда тебя еще и знать не знал. И вообще, жен много, а друзей мало». Ну, шутил он так.

Точнее, Марина думала, что шутит. До сегодняшнего дня.

Кроме Антона в компании были Костя Рябоконь и Женька Плавунец, которому, разумеется, сразу же дали кличку Жук. Жук Плавунец – очень подходит. Костик, по словам Антона, как сел в пятом классе за одну парту с Верочкой, так и просидел до окончания школы. А через год они поженились, едва восемнадцати лет дождались. С тех пор вместе. И даже кличка у них была одна на двоих: Веру зовут Ряба, а его – Конь. Это Жук такой остроумец, а Камилла ему подпевала. Впрочем, нет. Она никому никогда не подпевала, это у нее все по струнке ходило.

Вот и к делу подошли. Дошли до Камиллы.

Имя по тем временам было редкое. В школе она всем говорила, что бабушка у нее родом из Франции, вот и назвала внучку по-своему. Врала, конечно, но эти дурачки до сих пор верят, хоть и зовут между собой Милкой.

«Милка особенная, – говорил Антон, когда они ехали с каких-то общих посиделок, – она, знаешь, от всех вас, женщин, отличается. У нее аура».

Марина не стала спрашивать, что он имеет в виду, не хотелось Камиллу обсуждать, а муж все не мог остановиться: «Камилла в нашей компании просто бриллиант. Она удачу и счастье привлекает, как магнит. Далеко пойдет, большим человеком станет рано или поздно». Тогда

Марина не выдержала и сказала, что лучше, мол, попозже. Антон здорово на нее разозлился, обиделся всерьез. «Ты, – сказал, – этого не тронь, я с ней знаком в три раза дольше, чем с тобой. А дружба – это надолго».

И она, дура, поверила про дружбу-то. Ясно теперь, какая у них дружба – на диване в ее гостиной. И устраивают они это не в первый раз. Уж больно по-хозяйски эта дрянь там разлеглась.

Перед глазами снова предстала ужасная сцена, и Марина застонала в голос. Хорошо, что рядом никого не было.

Она отняла руки от лица и попыталась успокоиться. Хотелось упасть на дорожку и кататься по ней с воем. Или биться головой о скамейку. Или вон об то дерево.

Что делают люди в таких случаях? Рыдают, рвут на себе волосы, бьют посуду? Наверное, хорошо бы покурить, но Марина не курила. И не пила ничего крепче вина, да и то редко. Такая вся из себя положительная, верная жена и хорошая мать, хозяйка опять же замечательная. Поэтому муж и умирал с ней от скуки и завел себе отличную любовницу. У которой аура. И что там еще... Она умна, красива и во время секса орет, как мартовская кошка. Вот поэтому он с ней и...

«Не может быть, – заговорил здоровый внутренний голос, – ты заметила бы, когда их роман только начинался. Такие вещи женщина замечает раньше мужчины: когда он влюблен, то меняется».

«А ничего и не было», – тут же возразила она самой себе. Не было никаких особенных перемен, потому что с этой Камиллой был давно знаком. И спали они наверняка тоже давно, еще когда он Марину и не встретил. С тех пор и продолжали это делать – старые друзья, с позволения сказать.

И дальше будут продолжать в том же духе. Всем хорошо, все довольны, жена-дура ничего не узнает. А если и узнает, что может сделать? «Ты это не тронь, – скажет муж, – я с ней знаком в три раза дольше, чем с тобой...»

Вот что он в ней нашел, хотелось бы знать? Ну, интересная, конечно, эффектная, успешная, как теперь говорят. Хотя какой уж там особенный успех? Работает на заштатном канале, ведет пару передач. Или у мужиков от баб в телевизоре совсем крышу сносит? Все на нее только в телевизоре любуются, а он с ней спит... Тьфу, гадость какая!

«Это ты из зависти, – тут же услышала Марина внутренний голос, – что Камилла – хозяйка жизни, все у нее есть, все мужчины у ее ног, любого она может заполучить, и работа у нее, и внешность, энергия через край бьет, всего она добивается. А у тебя – только семья, ребенок, квартира... на работу и то эта Камилла устроила. На тот же телеканал старшим помощником младшего дворника».

Марина как вышла замуж семь лет назад, так почти сразу и забеременела. Эти, в компании, ее еще и жалели. Мужики, хлопая Антона по плечу, похихатывали: ну, мол, старик, ты даешь! Женщины тоже индифферентно держались. У Рябоконеи детей нет было, они науку двигали. С Лидой, тогдашней женой Женьки Плавунца, и познакомиться толком не успели, она вскоре с Женькой развелась и больше не появлялась. Камилла ничего не сказала, она вообще Марину не замечала. А зачем? Марина ведь ничего из себя не представляет, а значит, и не стоит внимания.

У самой Камиллы детей не было – она карьеру строила, хотела больших успехов добиться. Ага, если не споткнется. С большой высоты и падать опасно, это все знают. Но никакой особой высоты Камилла не достигла.

В общем, не дождалась Марина поздравлений, а отношения этой компании к детям никогда не понимала – дескать, они только жить мешают, ни к чему это все. У Лиды, кажется, был ребенок, девочка, но Женька никогда о ней не говорил, и было непонятно, видится он с ней или нет.

Родила Марина в двадцать шесть лет – не в восемнадцать же. До этого работала в небольшой фирме менеджером, но пока в декрете сидела, фирма разорилась, и всех уволили. Отсидела дома, как положено, три года. Потом Тимка в садик пошел – вечно то насморк, то кашель, куда уж тут на работу устраиваться? Потом квартиру купили, нужно было ремонтом заниматься. А год назад Марина сунулась в пару мест – либо фирма подозрительная, либо оклад мизерный. Вот и пришлось к Камилле обратиться: она на своем канале словечко замолвила, Марину и взяли на должность помощника звукооператора. На самом деле ею все дыры затыкали: микрофоны на гостей повесить, стулья принести, воды там... и так далее. В общем, девочка на побегушках. С Камиллой они редко сталкивались: она – звезда, ей с Мариной и говорить-то не пристало.

И что теперь делать? Как дальше жить? Сделать вид, что ничего не было?

Снова перед глазами встала та ужасная, отвратительная сцена на диване, и Марина вздрогнула, а потом затряслась в ознобе, так что проходящая мимо старушка взглянула на нее с подозрением и на всякий случай ускорила шаг.

– Я не смогу, – сказала Марина вслух, – я не смогу этого забыть никогда!

Развод? Но что это даст? У нее нет приличной работы, и Тимке на будущий год в школу, а мама далеко. Кто будет его водить, если она станет гробиться в каком-нибудь магазине по двенадцать часов, терпя придирки начальства и хамство покупателей?

Квартиру придется делить, и уж тут Антоша покажет себя во всей красе. Что-то ей подсказывало, что он не сильно расстроится от ее решения. Муж не слишком был привязан к Тимке, так что разлуку с сыном переживет, а ее, судя по всему, вообще никогда не любил и не ценил. Но все же следовало признать: все это время он их содержал, и жили они безбедно. Квартира была куплена на деньги мужа, так что он постарается выделить ей какую-нибудь однушку на краю света, еще и скажет, чтобы была довольна. А он без них заживет припеваючи... Вон, того же Женьку Плавунца взять: после развода девиц меняет, как перчатки, по четыре раза в год ездит на отдых.

Опять же, Камилла при Антоше останется, можно будет не скрываться. Куда ж она денется, если они с пятого класса дружат?

Получалось, что развод для Марины не выход. И отвалить эту дрянь от дома тоже никак не получится – они ведь компанией все время вместе. Каждую неделю встречаются, а уж летом и подавно: то за город на шашлычки, то в ресторан, то еще куда-нибудь. Антон поэтому и велит ей на все лето Тимку к бабушке отвозить, чтобы никто не мешал развлекаться на всю катушку.

И сколько же женщин из-за детей и денег терпят измены мужа? Нужно успокоиться и смириться.

На скамейку уселась толстая старуха и злобно покосилась на Марину. Потом достала мобильный телефон и заговорила с какой-то Люсей, причем орала так, что с соседнего дерева испуганно вспорхнула стайка воробьев. Марина, сторбившись и волоча ноги, побрела по аллее, вышла на улицу и пошла куда глаза глядят. Люди обходили ее стороной, пока какой-то подвыпивший мужик не налетел с ходу и не обругал неприличными словами.

Марина очнулась, отступила в сторону... и оказалась перед витриной магазина, в которой отразилось что-то уж совсем несусветное – потертые джинсы, грязные кроссовки, куртка, хотя на улице тепло и все одеты по-летнему, да еще рукав чем-то измазан... Как бомжиха. Да еще физиономия жуткая. Волосы растрепаны, глаза ненакрашены – ужас. Стало ясно, отчего люди косятся.

Она торопливо дошла до торгового центра, умылась там в туалете, слегка подкрасилась и, глядя на себя в зеркало, решила, что пустить это дело на самотек никак не может.

«Ты такая успешная и самоуверенная? Мужчины падают вокруг тебя пачками? У тебя впереди большое светлое будущее? Ну-ну, это мы еще посмотрим. На самом деле ты просто

жадная, наглая и самоуверенная стерва. Ты хочешь забрать себе все – успех, деньги, даже чужих мужей. Как бы не подавиться».

Марина вдруг осознала, что ужасно хочет есть, просто до одури. На часах без малого двенадцать, а она только рано утром выпила в поезде чашку отвратительного чая. Валерка, подлец, даже печенья не дал, а в чай, наверно, соду добавляет, чтобы темный был. Ох и жулик!

Она поднялась наверх, нашла относительно приличное кафе и заказала омлет с грибами, большую чашку кофе с молоком и слоеную булочку с маком. К омлету принесли теплый багет и розеточку масла с укропом. Марина ела и продолжала мысленный диалог.

«Я не стану бороться с тобой за своего мужа, это ни к чему не приведет, да и смысла большого в этом нет. Я отвечу тебе твоим же оружием. Раз ты отобрала у меня моего мужа, то я отберу твоего. Так будет справедливо. Я вообще отберу у тебя все – работу, успех, удачу. А стало быть, и деньги. И вот тогда посмотрим, что станет с твоей замечательной аурой и будут ли мужчины смотреть на тебя с вожделением. И кому ты вообще будешь нужна».

Мимо стеклянных дверей кафе прошла женщина, чем-то похожая на Камиллу, – высокая яркая шатенка, и Марина словно воочию увидела, как ненавистная Камилла презрительно щурится: что ты, серая мышка, можешь мне сделать? Да тебя никто вообще в упор не видит!

«Это мы посмотрим, – мысленно ответила Марина. – Иногда очень полезно быть невидимой, незаметной. Никто меня всерьез не принимает, никто не опасается».

Допивая кофе, она утвердилась в своих планах. На работе надо действовать по обстоятельствам: уж если будет возможность подгадить Камилле, ни за что не упустит. А вот как быть с ее мужем?

Он у нее вроде второй, во всяком случае, никто в компании его толком не знал: тихий, незаметный. Марина не могла даже вспомнить, разговаривала с ним когда-нибудь или нет. Жenuшка-то его всегда в центре внимания, а он смирно сидел в уголке, книгу читал или в ноутбуке что-то смотрел. В общих разговорах участие не всегда принимал. Кто же он по профессии?

Марина задумалась. Вроде книгу какую-то пишет или работу научную. Надо думать, денег мало получает, сидит на шее обеспеченной жены... Однако тут что-то не вязалось. Не такой человек Камилла, чтобы вот так просто посадить себе на шею никчемного мужа. В нем очевидно что-то было. Марина вспомнила, что Камилла держалась с ним не нагло, подшучивала, говорила слегка покровительственно, но не унижала при посторонних. Стало быть, сумел человек себя поставить. Это любопытно. Кто же он такой, что законченную стерву сумел как-то обуздать? То есть рога-то она ему наставляет, это Марина своими глазами видела. А вот интересно, он знает? Нет, наверно. Мужчины ничего не замечают.

Впрочем, вздохнула она, не ей об этом говорить. Сама в этой ситуации выглядела полной дурой. Если бы не застала своего муженька с этой... стервой, то сейчас готовила бы ему борщ и котлеты. Чтоб ему теми котлетами подавиться!

Итак, как можно соблазнить мужа Камиллы? Да не просто в постель заманить пару раз, а сделать так, чтобы он о своей жenuшке и думать забыл. Хотя бы на время.

Что-то Марине подсказывало, что он человек непростой, и если она с ним станет кокетничать и глазки строить, не поведется. Не тот случай, да и у нее вряд ли получится. Не привыкла она так себя вести, нет соответствующего опыта. Стало быть, нужно для начала заинтересовать его разговорами. А о чем мужчина может говорить бесконечно? О себе, любимом. А этот, надо думать, о своей работе.

– Еще что-нибудь? – Официантка подошла неслышно.

– А? – Марина взглянула на часы: оказывается уже час здесь просидела. – Спасибо, ничего не нужно.

«Что я делаю? – думала она, ожидая счет. – Собираюсь соблазнить совершенно постороннего мужчину, которого знать не знаю и который мне совсем не нравится! Это ужасно, нужно оставить эту затею, это... это аморально».

И тут же возмутилась. А спать с чужим мужем морально? А приводить в семейный дом чужую бабу морально? Или, может быть, морально трахаться с ней на диване в гостиной?

«Это чтобы постель ее духами не пропахла! – догадалась Марина. – А не потому, что мужу стыдно семейное ложе осквернять». Так что ни о какой морали не может быть и речи. Она не сможет забыть эту сцену, если не попытается отомстить. Раз они так, то и у нее руки развязаны.

Значит, с чего начать? Мужа Камиллы звали Георгием. Она называет его Гошиком, а мужская часть компании – Жорой. Марина вспомнила: Жук как-то хлопнул его по плечу и обозвал Жоржиком, а тот едва заметно поморщился, но не стал заедаться. Значит, человек спокойный и умный, потому что Женька тогда здорово набрался.

Обстоятельства складывались удачно: Женька вернулся из очередной поездки и послезавтра приглашал всю компанию в ресторан за городом. «Вот там и познакомимся с Георгием поближе и для начала выясним, какое же уменьшительное имя ему подходит».

Был такой старый шпионский фильм «Как вас теперь называть?». Да уж, усмехнулась Марина, выходя из торгового центра, теперь у нее самой на работе будет шпионский фильм.

Она прошаталась по городу до четырех часов, а потом так устала, что решила все же идти домой. Муж все равно на работе, не узнает, когда она явилась.

Выходя из чулана под лестницей, она столкнулась с Зоей Петровной, которая удивленно вытаращилась на чемодан. Марина буркнула что-то нелюбезное, но тут пекинес Дюша залился лаем, и Зоя сосредоточилась на собаке.

Дома был обычный кавардак, как всегда бывало, когда Марина находилась в отъезде. Муж и порядок – две вещи несовместные.

На кухне в раковине по-прежнему кисла грязная посуда. Не удосужился помыть, стало быть, совестью не мучается. Ясно, привык уже к полной безнаказанности. В ванной она нашла темный волос этой стервы, и диван пахнул ее отвратительными терпкими духами. Нет, ну совершенно обнаглели!

Антон нарочно явился с работы поздно, чтобы она успела прибраться и приготовить ужин. Рассеянно потрепал ее по плечу и сказал, что много работы, с утра до вечера был в офисе. Марина поскорее отвернулась, чтобы он не видел ее лица.

Они поели в молчании, потом муж отправился в интернет, а она пошла спать, от души желая, чтобы этот ужасный день кончился как можно быстрее.

На работе был постоянно действующий сумасшедший дом.

Записывали утреннее ток-шоу. Рейтинги были невысокие, так что начальство давно уже подумывало о том, чтобы его закрыть, но заменить было нечем, так что пока кое-как держались.

Марина с трудом закрепила микрофон на талии очередной гостьи. Собственно, талии как таковой не было, оттого простое дело шло с таким трудом.

– Ну, готовы? – прибежала редактор Соня. – Раз, два, три, четыре... слушай, а где пятый гость?

– Не знаю, только эти тут были...

– Такая тетка беспокойная... все ей не так... – Соня оглядывалась по сторонам.

– У нее грим потек, – встряла в разговор та самая полная гостья, – она сказала, что в таком виде ни за что не появится.

– Мариночка! – взмолилась Соня. – Мне еще инструктаж проводить, сбегай, поищи тетку эту! Ты тут вроде закончила.

– Ладно...

Марине и самой хотелось пробежаться по коридорам, узнать новости. Кроме того, теперь у нее была главная задача – навредить Камилле. Так что поход в гримерку пришелся очень кстати.

Камилла сидела в кресле перед зеркалом, до подбородка укрытая розовым фартуком. Над ней колдовала Инга Альбертовна, худощавая подтянутая светлоглазая эстонка неопределенного возраста. Из всех гримеров только Инга с ее невозмутимым прибалтийским характером могла переносить бесконечные придирки Камиллы.

Марина сделала шаг назад. Ясно же, что кроме Камиллы здесь никого больше нет – ни гостей, ни сотрудников, она никого не потерпела бы. Характер у Камилочки сволочной, ведет себя соответственно своему звездному статусу. Вот и сейчас Камилла, приоткрыв правый глаз, прошипела:

– Что ты возишься? Сколько можно? У меня эфир через десять минут, а ты еще не закончила...

– Не волнуйтесь, Камиллочка, – спокойно ответила Инга, методично работая пуховкой. – Вот здесь еще немножко припудрим, и все будет отлично... глазки прикройте, а то пудра попадет!

Камилла прикрыла глаза, а Инга Альбертовна склонилась над ней, сосредоточенная на своей работе. И тут Марина увидела брошенную на стуле раскрытую сумку Камиллы, в которой на самом виду лежал белый пластиковый пузырек. Лекарство от аллергии, с которым Камилла никогда не расставалась.

Аллергия у нее была на пыльцу растений, на кошачью шерсть, на цитрусовые, на шоколад и еще на множество других вещей и явлений. Когда наступала весна и зацветали первые цветы, Камилла непрерывно чихала и ходила с красными глазами. Понятно, что при ее профессии такая болезнь очень мешала, и Камилла методом проб и ошибок подобрала какое-то немецкое средство, которое ей очень помогало. Купить его можно было только в Германии, про это все в их компании знали. Как раз недавно Костя Рябоконь ездил в командировку в Мюнхен и привез Камилле несколько упаковок.

Перед каждым выступлением в прямом эфире, особенно в сезон цветения, Камилла непременно закапывала в нос пару капель этого чудодейственного средства, чтобы подстраховаться от неожиданной аллергической реакции.

Марина сделала осторожный шаг в сторону сумки, скосив глаза в зеркало. Камилла по прежнему сидела с закрытыми глазами, Инга тоже была занята и не смотрела по сторонам.

Быстрым незаметным движением Марина вытащила пузырек из сумки, скрутила крышечку и капнула в него несколько капель своих любимых духов (нежный цветочный аромат, самое то). Затем одним движением закрыла пузырек и бросила его в сумку.

Она едва успела вернуться на прежнее место, как Камилла открыла глаза:

– Все, все, мне пора бежать!

– А я как раз закончила! – Инга оглядела ее лицо профессиональным взглядом и сняла фартук. – Все отлично, Камиллочка, выглядите бесподобно!

Камилла что-то недовольно фыркнула, подхватила сумку и вылетела из гримерки. Марину она не заметила, как, впрочем, и Инга Альбертовна, которая склонилась над своими пуховками и кисточками.

Марина тихонько выскользнула из гримерки и увидела растерянную женщину среднего возраста, которая ошалела от шума и беготни и заблудилась в длинных коридорах.

– Вы на утреннее ток-шоу? – коршуном налетела на нее Марина. – Так идемте быстрее, вас там обыскались!

Она протащила гостью по запутанным коридорам, сдала с рук на руки дежурному редактору Соне, а сама побежала в другую студию, где работала Камилла.

Та уже сидела за столом в студии – как всегда, собранная и невозмутимая.

– Сколько осталось до эфира? – спросила она ведущего оператора Андрея.

– Сорок секунд, – ответил тот, сверившись с главным монитором.

Камилла достала из сумки пузырек с лекарством, запрокинула голову, капнула в левую ноздрю, в правую... на ее лице проступило удивление и растерянность, однако она машинально закрыла пузырек, убрала его в сумку и снова выпрямилась.

– Десять секунд, – начал обратный отсчет Андрей, – девять... восемь... семь... шесть...

С лицом Камиллы происходило что-то странное. Глаза покраснели и начали слезиться, рот приоткрылся, на щеках выступили красные пятна, она шумно и часто задышала.

– Пять... четыре... три... два... один... эфир!

Включилась камера, на главном мониторе появилась Камилла. Она вымученно, натянуто улыбнулась и проговорила гнусавым простуженным голосом:

– Здравствуйте! В эфире передача «Главные события дня» и я, Камилла Нежда...

Договорить свою фамилию Камилла не смогла – она громко чихнула, и еще раз, и еще...

– Быстро, рекламную паузу! – зашипел у нее за спиной дежурный выпускающий редактор Олег.

Камера моментально переключилась на рекламу, а Олег напустился на Камиллу:

– Ты что, не могла заранее сказать, что простужена? Эфир запорол...

Камилла пыталась что-то ответить, но вместо этого не переставая чихала.

– Быстро приведите Чайкину! – закричал Олег. – Камилла, да выйди наконец из студии!

Камилла, не переставая чихать и кашлять, выбралась из-за стола. Почти не разбирая дороги, пошла к двери – и здесь буквально нос к носу столкнулась с Варей Чайкиной, молодой провинциальной девицей, которая только год как пришла на канал и делала карьеру всеми допустимыми и недопустимыми способами. Надо сказать, выглядела она неплохо – явно поработала с гримером, хотя в ее возрасте гример был без надобности...

Чайкина окинула соперницу торжествующим взглядом, и Камилла отчетливо поняла: теперь ее будет очень трудно оттащить от места ведущей этой передачи! Варя вцепится в него зубами, а хватка у нее почище, чем у бультерьера!

– Твоя работа? – прохрипела Камилла между двумя приступами мучительного кашля.

– О чем это вы, Камилла Сергеевна? – проворковала Чайкина самым невинным голосом. – Ах, вы об этом! Я думаю, это просто возрастное! Рано или поздно со всеми случается!

– Чайкина, быстро на место! – закричал Олег. – До эфира двадцать секунд!

Камилла полным ненависти взглядом окинула наглую провинциалку. Ненависть так переполнила ее, что даже прекратился кашель.

Разумеется, она не заметила Марину, которая внимательно следила за ней из дальнего конца студии. На губах ее играла торжествующая улыбка. Что может быть приятнее мести? Это тебе не с чужим мужем на диване кувыряться!

Ресторан, куда пригласил их Жук, Марине не очень понравился: добираться от города довольно долго, да и чувствовалось, что место новое, как говорится, не насиженное, не обжитое. Помещение было слишком большое и оттого неуютное.

Назывался ресторан «Сладкий перец». В дверях их приветствовал хозяин заведения – высокий лысоватый мужчина с таким мрачным выражением лица, будто только что узнал, что у него умерла богатая тетька, а наследство оставила другому племяннику. А может, хозяин переел этого самого перца, что упоминался в названии?

С Женькой у них были какие-то особые отношения, потому что тот хлопал его по плечу и называл душой. «Душа моя» – любимое Женькино выражение.

Мрачного хозяина не оживило даже появление Камиллы. Она, как всегда, выглядела отлично, видимо, полностью оправившись от нанесенного ей ущерба. Что ж, это только первый шаг, терпения у Марины хватит надолго.

Антон настоял, чтобы они ехали на машине, – дескать, он пить не будет, но она знала, что все будет не так и за руль придется сесть ей. Марина не любила водить, но поздно вечером, когда машин мало, сможет доехать спокойно.

Когда выпили и поели, компания оживилась. Впрочем, им и так всегда друг с другом было весело и легко.

Так Марина думала раньше. Теперь же, после того, что узнала, она смотрела на всех другими глазами и заметила, что Камилла более нервная, чем обычно. Ну, это естественно: передачу ей теперь не вести. Варвара Чайкина – девушка с характером, и ручки у нее загребушие, что у снегоуборочной машины. Если что схватит – уже не упустит. Кстати, нужно завтра у секретарши Сашеньки выяснить, что шеф по этому поводу думает.

Ее муженек болтал о чем-то с Камиллой, шутил, обнимал ее, в щечку целовал. Они и раньше так себя вели, только Марина думала, что это по дружбе. С другой стороны подскочил Женька Жук и тоже в эту стерву вцепился.

«Вот что они все в ней находят?» – в который раз с тоской подумала Марина. И тут же встрепенулась. Так выходит, что и Женька с этой Камиллой спал? А что? Все может быть. Она теперь всему поверит. Школьные друзья, чтоб их...

Женька привел новую девушку, Леночку, совсем молоденькую. Она как увидела Камиллу, так и не сводила с нее восхищенного взгляда. Еще одна дурочка, обожающая телевизор.

Сначала-то Леночка пыталась с Мариной заговорить. Скучно ей было, никого здесь не знает, а с Верой Рябоконь у нее точно общих тем не найдется. Некрасива Верочка, что и говорить. Может, науку и двигает, а за собой совсем не следит. Волосики жиденькие в хвост едва скреплены, очки вроде бы дорогие, а совсем ей не идут. Ни в салон красоты не ходит, ни на фитнес, ни в СПА. Какие у Леночки могут быть с ней темы для разговора? Ряба что-то рисовала на салфетке, не иначе умные мысли записывала, чтобы не забыть. Даже странно было видеть ее без мужа, они вечно вдвоем, как близнецы.

Наконец и Костя появился: возник в дверях и огляделся. Народу в зале было мало, и только одна их шумная компания. Камилла ненатурально громко смеялась, мужчины ей вторили, и Леночка подхихикивала. Рябоконь уставился на этих четверых, точнее на Камиллу, и такая лютая тоска застыла в его глазах, что впору повеситься.

Вот как. И тут Камилла умудрилась отметить. Марина скосила глаза на Веру, но та продолжала что-то писать на салфетке, низко склонившись над столом. Все-таки эти ученые чокнутые!

В зале было просторно, но душновато, мощности кондиционера не хватало на такое большое помещение. Марина взяла стакан с водой и вышла подышать на террасу. Вечер был тихий и теплый, на единственной лавочке сидел муж Камиллы. На ловца, как известно, и зверь бежит.

– Присаживайся! – улыбнулся Георгий. – Здесь не так душно.

Марина присела рядом.

– Нравится тут? – спросил он.

– Не очень, – честно ответила Марина, – скучновато как-то.

– Угу, – кивнул Георгий, соглашаясь.

– Все собираюсь спросить, – решила она, – тебя как вообще уменьшительно звать? Знаю, что имя Жора тебя не нравится.

– Ага, и Гоша тоже, – усмехнулся он и стал серьезным. – Мама Герой называла. И в школе тоже...

Он поморщился, и Марина совершенно правильно поняла, что Георгий не собирается сейчас вдаваться в воспоминания. Школьных друзей тут и так хватает.

«Знал бы он... А может, и знает?» – подумала Марина и искоса взглянула на своего собеседника. Спокойный, приятный мужчина. Вежливый, скромный, обходительный. Казалось бы, что у них с Камиллой общего? А вот, поди ж ты...

– Твои родители живут в Петербурге? – спросила она для продолжения разговора.

– Они умерли, – Георгий отвернулся, – погибли в автокатастрофе, когда мне двенадцать лет было.

– Прости... – Она непроизвольно погладила его по руке. – Я не знала... А как же ты потом?

– Я с дедом жил, – он оживился, – дед у меня академиком был. Академик Георгий Андреевич Успенский, не слышала? У него учебник есть, все студенты по нему учатся.

– Извини, – она опустила глаза, – не слышала.

Георгий вспомнил, что жена этого нагловатого мужика Антона вроде бы вообще без образования. Работает не то секретаршей, не то продавщицей. А он тут дедом-академиком начал хвастаться. Прямо как эти Камилкины друзья, которые только и знают, что выпендриваться, меряться достижениями.

– Мы с дедом неплохо жили, – заговорил Георгий задумчиво, – летом он меня в экспедиции брал. Он ведь историк и археолог. Пока помоложе был, все время ездил, как они говорят, в поле. Потом, как болеть начал, перестал. Но работал много, писал, исследования проводил. Учеников у него было множество, все собирались, из других городов приезжали, почти все время у нас кто-то жил. Квартира большая, одну комнату так и выделили для гостей.

Марина начала кое-что понимать. Пару раз они были дома у Камиллы. Огромная квартира на Мойке, балкон с кариатидами, эркер с видом на реку, и комнат не то четыре, не то пять. Ремонта вроде бы толком не было, но старинная мебель и картины производили впечатление.

– Это та квартира, где мы как-то были? – спросила она как можно равнодушнее.

– Ну да, я там с детства жил, – ответил Георгий, не почувствовав в ее словах подвоха. – С ребятами в прятки играли, места много. Один раз кариатидам этим, что на балконе, усы масляной краской пририсовал, чуть вниз не сорвался. Дед тогда здорово разозлился, в основном за меня испугался, но виду конечно не подал. – Он усмехнулся и добавил: – А кариатиды эти были очень похожи на двух сестер, что у нас на первом этаже жили, так дед их так и звал: Полина Ивановна – та, что справа, и Галина Ивановна – та, что слева.

– Забавно, – улыбнулась Марина и, чтобы беседа не иссякла, задала следующий вопрос: – А где ты побывал с экспедициями?

– Ох, много где! Дед ведь изучал древнюю шумеро-аккадскую культуру. Теперь ее следы находят на территории Ирака. Еще мы были на Дильмуне, это остров такой в Персидском заливе.

– Интересно...

Открылась дверь, и на террасу выкатилась шумная компания школьных друзей. Но прежде чем Камилла обратила свой взгляд на Георгия, Марина успела встать и отойти на приличное расстояние. Так, на всякий случай, чтобы никто их вместе не видел. Антон-то ничего не заметит, да и остальные мужики тоже, они только на Камиллу пялятся, а вот у этой глаз острый, она все замечает.

Но нет – в сторону мужа даже не посмотрела, а ее, Марину, вообще не заметила. Нельзя быть такой самонадеянной, это чревато серьезными последствиями.

В дверях туалета Марина столкнулась с Верой. Та прошла мимо, не сказав ни слова. Тоже ее не замечает. Скажите пожалуйста, какие мы все из себя высокомерные! Хоть бы губы нарасила. Впрочем, ей это не поможет.

Марина вымыла руки, а когда выбрасывала бумажное полотенце, заметила в корзинке скомканную салфетку из ресторана – по краям хоровод из веселых красненьких перчиков – и вспомнила, как эта Ряба старательно что-то на ней записывала, не иначе как формулы химиче-

ские или доказательство теоремы. А теперь вот выбросила за ненадобностью. Не получилось, значит, доказательства. Мозгов не хватило.

Преодолевая брезгливость, Марина вытащила салфетку из корзинки, развернула... и от неожиданности выронила. Потому что на салфетке много раз твердой рукой было выведено одно слово: «Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!»

«Ясно, что Камилла в своем муже нашла, – думала она, ведя машину по пустому городу, – огромную квартиру в центре. И даже ремонт толком не сделала, ничего не вложила. А Георгий неужели такой же тщеславный, как все они, что польстился на знаменитость? И вот еще интересно: кого это Вера Рябоконт так сильно ненавидит? Мужа своего или Камиллу? Потому что больше некого. Неужели эта дрянь и с Костиком спала? Да что же это такое? Никак ее не остановить...»

Антон спокойно похрапывал на заднем сиденье, и Марина решила выбросить из головы всю эту компанию школьных друзей и сосредоточиться на дороге.

За полчаса до обеденного перерыва Марина заглянула в приемную босса, а по дороге чуть нос к носу не столкнулась с Камиллой. Та шла к выходу со студии вместе с незнакомым мужчиной. Крупный, представительный мужик с густыми, слегка выющимися светлыми волосами. Все ясно, окучивает очередного спонсора. Все на канале знали, что шеф Камиллу за это и держит, что она спонсоров умеет находить. Не то чтобы их очаровывает, а привлекает своей энергией и напором. Хотя кто ее знает, какие у нее методы.

Марину Камилла, конечно, не заметила. Кто она такая – копошащееся где-то внизу насекомое!

Но некоторые насекомые очень больно жалят... Марина опустила глаза и отступила в сторону, чтобы эти двое не смели ее напрочь.

Секретарша босса Саша сидела зеленая, как листовой салат, со страдальческим выражением лица, а в приемной невыносимо пахло краской.

– Представляешь, босс велел срочно перекрасить коридор и холл, – пожаловалась секретарша. – К нему сегодня приезжает Назимов, а ему кто-то сказал, что Назимов не выносит любые оттенки красного, он от них буквально звереет, выходит из себя, вот босс и велел срочно перекрасить все в зеленый цвет... Говорят, у Назимова все в офисе зеленое, даже компьютеры...

– Назимов из «Нефтетрейда»? – уточнила Марина.

– Ну да, какой же еще! Босс с ним почти договорился о рекламной кампании, сегодня у них решающий разговор... сам-то он куда-то на полдня уехал, а мне приходится дышать краской!

– Не понимаю, сейчас же много хороших красок, почти без запаха... и как же он в такой атмосфере собирается принимать Назимова? Они же все отравятся!

– Да в этом все и дело – это какая-то специальная краска, которая очень быстро сохнет. Через час высохнет, помещение проветрят, и к приходу начальства все будет в ажуре. А что я тут загибаюсь, никого не волнует...

В это время на Сашином столе зазвонил телефон. Она снова страдальчески поморщилась, но взяла себя в руки и сняла трубку.

– Да, Никита Андреевич... поняла, Никита Андреевич... передам, Никита Андреевич... Повесив трубку, Саша повернулась к Марине:

– Представляешь, босс звонил, велел передать Камилле, что встреча с Назимовым переносится на пять часов.

– Так что, Камилла тоже будет на этой встрече shy; shy;-че? – неприятно удивилась Марина.

– Именно! Босс планирует сделать ее лицом этой рекламной кампании! Добилась Камиллочка чего хотела!

– Это мы еще посмотрим... – пробормотала Марина вполголоса.

– Что говоришь? – переспросила ее Саша и снова сняла телефонную трубку.

– Ты Камилле собираешься звонить?

– Да, а что?

– Ну... подожди, не звони сейчас.

– А в чем дело? – в Сашиных глазах загорелся интерес.

– Да девчонки из костюмерной говорили, что она куда-то с хахалем уехала. Приехал к ней какой-то интересный мужик, и она слиняла. Так что сейчас ей лучше не звонить, весь кайф собьешь.

– Да мне-то какое дело! Шеф велел передать... Ну надо же, когда она успела? Только что сюда заходила с этим... как его... где-то визитка валяется. Еще злилась, что босса не застала. Так ты говоришь, она с ним... или это другой кто...

– Ну, ты же знаешь, какая она мстительная! Затаит на тебя хамство... подожди часок, время еще есть. А пока пойдем кофейку выпьем, а то ты совсем зеленая!

Хорошо быть маленьким человеком – никто тебя всерьез не принимает, никто не опасается. Поэтому Марина была в прекрасных отношениях и с секретаршами, и с костюмершами, и вообще со всеми работниками студии.

– Ой, о чем ты говоришь! – Саша замахала руками. – Я тут сижу как прикованная. Не дай бог какой-нибудь важный звонок пропущу! В туалет и то выскочить некогда!

– Ну, если тебе надо, могу за тебя подежурить, – предложила Марина.

– Ой, правда? Ну, я быстро... – и Саша вылетела из приемной.

Почти тут же снова зазвонил телефон. Марина сняла трубку.

Звонил босс.

– Вы передали Неждановой о переносе сегодняшней встречи? – сухо осведомился он.

Все на студии знали, что босс не узнает голосов по телефону, и сейчас был уверен, что разговаривает с Сашей. Разубедить его Марина не стала, изобразив голосом смущение и неуверенность:

– Нет, Никита Андреевич...

– Что значит – нет? – раздраженно переспросил босс.

– Вы понимаете... она просила никому не говорить... но я ей все непременно передам... позже...

– Что – не говорить? – босс повысил голос. – Что значит – позже? Что вы там лепечете? Что вы мнетесь?

– Дело в том, Никита Андреевич, что к ней... к Неждановой... приехал какой-то мужчина, и они вместе уехали... и телефон она выключила... но она через час вернется, и я ей обязательно передам... Ой! Она ведь просила никому не говорить...

– Черт знает что! – рявкнул босс и бросил трубку.

Едва дождавшись возвращения Саши, Марина покинула приемную и проскользнула в коридор, на двери перед входом в который висела табличка: «Осторожно, окрашено». За дверью действительно работала бойкая девица в заляпанном краской комбинезоне. Она уже заканчивала перекрашивать стены в жизнерадостный ярко-зеленый цвет. Запах краски здесь был просто непереносимый, малярша работала в респираторе.

– Вас срочно просил зайти завхоз! – сказала ей Марина.

– Что еще ему понадобилось? – фыркнула та, снимая респиратор.

– А я знаю? – Марина пожала плечами. – Просил зайти и сказал – срочно!

– У них все срочно! – проворчала девица, однако поставила кисть в банку с водой, вытерла руки и отправилась на поиски завхоза.

Марина знала, что поиски эти будут долгими – главным свойством завхоза Иосифа Ивановича была его неуловимость. Его так и называли на студии – неуловимый Джо.

Едва малярша свернула за угол, Марина взяла одну из банок с краской и спрятала ее в кладовку. Туда же отправила и табличку, которую сняла с двери.

После обеда Марина наведлась в костюмерную. Костюмерша Лиля сидела перед банкой с черничным вареньем и задумчиво смотрела на ложку. Лиля была беременна, и вся студия была в курсе этого ее состояния. Впрочем, не заметить его было сложно.

– Как самочувствие? – вежливо осведомилась Марина.

– Издеваешься, да? – огрызнулась костюмерша. – Вот думаю, примет организм чернику или нет... сперва думала, что примет, а вот теперь сомневаюсь...

Она вдруг побледнела и бросилась прочь, прикрывая рот рукой.

Марина проводила ее взглядом и открыла стенной шкаф с запасной одеждой дикторов и ведущих на случай непредвиденных неожиданностей. Среди этих вещей она сразу же нашла костюм Камиллы – дорогой, итальянский... У нее все тряпки были дорогие и модные. Что есть, то есть: одеваться Камиллочка умела.

С непередаваемым удовольствием Марина взяла банку с вареньем и аккуратно выложила несколько ложек на бледно-оливковый костюм. Эффект получился поразительный.

Закрыв шкаф, она вернула варенье на место и отправилась восвояси, по дороге приветливо кивая всем встречным.

– Привет, Маришка! – крикнул на бегу оператор Андрей. – Хорошо выглядишь!

– Мариночка, зайди к нам, там тебе торт оставлен! – прошептала, пролетая мимо, редактор Соня. – У меня сегодня день рождения, торт хороший, фруктовый!

После обеда Марина занималась текущими делами, а после четырех снова заглянула к Саше.

Краской в приемной и правда больше не пахло. Секретарша была на своем рабочем месте и сосредоточенно красила ядовито-розовым лаком ногти на левой руке.

– Ну что, передала Камилле про перенос встречи?

Саша закрыла пузырем с лаком, полюбовалась ногтями и только потом ответила:

– Ага, она сказала, что находится в комитете по средствам массовой информации, но на встречу обязательно успеет. В комитете! – Саша фыркнула. – С мужиком она была, я тебе точно говорю!

Она уже совершенно забыла, что именно от Марины услышала утром эту сенсационную новость, и с удовольствием поделилась ей с подругой.

– Откуда ты знаешь? – спросила Марина, стараясь продемонстрировать неподдельный интерес.

– Ну, такие-то вещи по голосу всегда понять можно! – авторитетно проговорила Саша.

– А шеф вернулся?

– Ага, как только краска выветрилась – тут же появился. Сидит, ждет Назимова! – Саша небрежно кивнула в сторону кабинета и скорчила физиономию.

– Что-то Камилла опаздывает. – Марина взглянула на часы. – Уже без двадцати пять...

– А вот это меня не волнует. Я передала, все остальное – ее заботы. – И Саша принялась за другую руку.

Определенно у секретарши Камилла авторитетом не пользовалась.

Покинув приемную, Марина снова свернула в коридор, где перекрашивали стены. Работа давно уже была закончена, и запах краски выветрился. За углом, перед входом в кладовку, стояла сложенная стремянка.

Чувствуя себя террористкой, она вытащила из кладовки банку с краской и табличку с надписью: «Осторожно, окрашено». Сложила в большую матерчатую сумку и отправилась ко входу на студию, где за стойкой перед несколькими мониторами скучал охранник Витя.

Не успела она с ним заговорить, как дверь распахнулась и вошел высокий подтянутый мужчина в дорогом солидном костюме. Марина узнала известного бизнесмена Назимова. На

студии его все знали, и уже давно шли разговоры о том, что канал получит большой заказ на рекламу. Назимов подошел к вертушке, чуть заметно нахмурился и проговорил:

– Моя фамилия Назимов...

– Да, прошу вас! – Витя угодливо привстал. – Никита Андреевич ждет! Вас проводить?

– Сам найду! – и Назимов зашагал по коридору.

Выскользнув из-за угла, Марина подошла к охраннику:

– Вить, а что, Камилла еще не вернулась? Шеф беспокоится... в пять совещание, на котором она обязательно должна быть, а уже без семи минут...

– А тебе-то что? – Охранник покосился на Марину и перевел взгляд на один из мониторов. – А вот и она, как раз приехала, так что вовремя успеет...

Витя как мужчина Камиллой восхищался. Если бы она еще замечала его при встрече, вообще боготворил бы.

Взглянув через его плечо на экран, Марина увидела, что Камилла подошла к лифту на первом этаже, и вернулась в коридор.

Отсюда к кабинету шефа вели две двери: главная, через большой холл, где размещались разные выставки и проходили презентации, и еще одна, через боковой коридор, которым почти никогда не пользовались. Марина повесила на главную дверь табличку: «Осторожно, окрашено», а сама скользнула в коридор. Перед самой дверью она прислонилась к стене стремянку и на верхнюю ступеньку поставила открытую банку с краской. Потом вывернула лампочку из бра, и коридор погрузился в темноту.

Проделав эти манипуляции, она спряталась за дверью кладовки, откуда все было видно, и приготовилась к зрелищу, которое так тщательно подготовила.

Прошло чуть больше минуты, и за дверью послышались быстрые приближающиеся шаги. По резкому, энергичному стуку каблуков Марина узнала Камиллу.

Та на мгновение задержалась перед развилкой, прочла предупреждение на табличке и толкнула вторую дверь. Войдя в полутемный коридор, чертыхнулась, шагнула вперед...

Стремянка покачнулась, и с верхней ступеньки упала банка. Краска расплескалась по коридору, но большая ее часть попала на одежду и волосы Камиллы. Та издала дикий вопль, затем из ее уст посыпались такие ругательства, которым позавидовали бы портовые грузчики.

Марина осторожно выглянула из своего укрытия. Камилла стояла перед дверью с непередаваемым выражением лица. Весь ее костюм был залит жизнерадостной зеленой краской, волосы тоже позеленели и слиплись, несколько зеленых клякс красовались на щеках и подбородке.

– А что, – прошептала Марина еле слышно, – в этом что-то есть! Говорят, что Назимов любит все зеленое... может быть, зеленая ведущая ему тоже понравится!

Прислушавшись к себе, она осознала, что это – один из самых приятных моментов в ее жизни. А ведь это далеко не конец! Впереди будет еще масса удовольствий!

В этот драматический момент зазвонил мобильный телефон Камиллы. Судя по всему, звонила Саша, чтобы узнать, где она находится и успеет ли на совещание.

С трудом справившись с яростью, Камилла проговорила:

– Передай Никите Андреевичу, что я буду через пять минут! – и бросилась в костюмерную.

«Упорная женщина! Удар держит, что твой боксер. Мохаммед Али!» – не могла не восхищаться Марина и крадущимися шагами отправилась вслед за Камиллой в костюмерную.

Камилла ворвалась туда, как цунами врывается в сонный курортный поселок.

Увидев ее, Лиля испуганно залепетала:

– Ой, что это с вами...

– Только слово еще ляпнешь – сотру в порошок! – рявкнула Камилла. – Быстро принеси какой-нибудь растворитель!

Лиля через секунду принесла флакон растворителя, и Камилла принялась оттирать краску с лица и волос. От растворителя кожа покрылась красными пятнами, но с волосами дело обстояло гораздо хуже – они превратились в зеленые сосульки, и все попытки оттереть их от краски привели к тому, что на голове у нее образовалось зеленое воронье гнездо.

– Черт! – рявкнула Камилла. – Ничего не получается... дай какой-нибудь платок или шарф...

Она обвязала голову шарфом, посмотрела на себя в зеркало... и еще больше перекосилась.

– Нет, все равно пойду! – сказала она, ни к кому не обращаясь, открыла шкаф с одеждой, нашла свой запасной костюм... и снова затряслась от ярости. Прекрасный костюм нежно-оливкового цвета покрывали художественные черно-лиловые разводы.

Повернувшись к Лиле, Камилла ткнула ей в лицо перемазанный вареньем костюм и заорала:

– Ты, сволочь, что устроила? Что ты сделала с моим костюмом? Да я тебя сегодня же на улицу вышвырну! Да ты больше никакой работы не найдешь, будешь улицы подметать!

Лиля, которая до этого молча сносила ее придирки, подбоченилась и бросила в ответ:

– А вот фигушки! Никуда ты меня не уволишь, я беременная! По судам затаскаю! Ты мне за моральный урон огромные деньги заплатишь, и на работе меня восстановят! И плевала я на твой костюм, так тебе и надо, выдра зеленая!

Камилла затряслась от ярости и замахнулась на Лилю с самым зверским выражением лица, так что Марина в дверях забеспокоилась и решила вмешаться. Будь что будет, но беременную Лилку надо было спасать.

В это время снова позвонила секретарша босса.

– Иду! – рявкнула Камилла, вытащила из шкафа первую попавшуюся кофточку (которая оказалась велика ей на два размера) и какую-то юбку (в которую, наоборот, еле втиснулась), бросила в зеркало еще один злобный взгляд и помчалась в кабинет директора.

Случайно попавшиеся в коридоре сотрудники испуганно жались к стенке.

Секретарша Саша ахнула и проводила ее ошарашенным взглядом, но даже не попыталась остановить. Камилла влетела в кабинет и с порога проговорила:

– Никита Андреевич, извините, я...

Шеф, увидев в дверях форменное чучело с головой, в первый момент лишился дара речи, затем сглотнул и машинально проговорил:

– Разрешите представить Камиллу Нежданову, нашу ведущую... ведущую...

– Что? – Назимов приподнялся со своего места и побагровел. – Вы хотите, чтобы это... это... было лицом нашей рекламной кампании? Да никогда в жизни!

– Но... – проблеял шеф, – но...

– Господин Назимов, – Камилла решительно отодвинула шефа, – позвольте, я объясню.

– Простите, – сказал Назимов, на которого фирменный напор Камиллы не произвел никакого впечатления, – мне не надо ничего объяснять, я и так все вижу. И способен принять решение, не слушая ничьих советов и объяснений. Но у меня правило: никогда не принимать решения второпях. Поэтому сейчас скажу только, – он демонстративно отстранился от Камиллы, сморщив нос, потому что от нее невыносимо несло краской, – что ваша кандидатура, Никита Андреевич, мне совершенно не подходит. Об остальных деталях поговорим позже.

И, не прощаясь, он вышел из кабинета.

Марина перехватила Сашу в коридоре. Та, не отвечая, махнула рукой в сторону курилки. Марина свернула за ней и в ответ на предложенную редактором Соней сигарету покачала головой.

– Ой, девочки! – закричала Сашка, забыв затянуться. – Ой, у нас такое было!

И секретарша обстоятельно рассказала, как Камилла явилась на совещание в ужасном виде, как Назимов ушел, едва ли не хлопнув дверью, и как опомнившийся босс долго возил Камиллочку мордой об стол за то, что сорвала важнейшие переговоры. «Ведущую-то мы найдем, – орал шеф, брызгая слюной, – хоть полгорода перешерстим, но найдем. Незаменимых у нас нет. Но дело в том, захочет ли Назимов иметь с нами теперь дело...»

– А она что? – спросила Соня, жадно затянувшись и стараясь не пропустить ни слова.

– Оправдывалась, конечно, говорила, что ее на студии кто-то подставляет, нарочно гадит... А шеф тогда еще пуще разъярился – я, орет, в этих ваших бабьих дрызгах разбираться не желаю! Это, орет, твое дело – с коллективом отношения налаживать! Меня это не касается! Ну, я тогда потихоньку убежала, а то Камиллочка выйдет, ни за что мне не простит, что я все это слышала.

– Так ей и надо! – решительно сказала Соня, которая не так давно получила от Камиллы нагоняй в таких выражениях, что и вспомнить противно. – Никто ей сочувствовать не станет, все ее терпеть не могут! А вот интересно, кто это ей подгадил? Неужели Варька Чайкина постаралась? Хотя ее на рекламу к Назимову вряд ли возьмут, не та у нее весовая категория...

«Никто ничего не узнает, – думала Марина. – Табличку я убрала, оставленную краску свалят на маляршу, а она отлается – сразу видно, девица бойкая, тертая, всякого в жизни повидала. Завхоза, как всегда, не найдут. А про костюм Камилла и не вспомнит, так что Лильке ничего не грозит».

– Ты что молчишь? – Соня тронула ее за руку.

– Надо быть добрее, – строго сказала Марина. – Что мы, в самом деле, все на одного?

– Ты потому так говоришь, что она тебе ничего плохого не успела сделать, – сказала Соня с обидой. – Ты человек неконфликтный, с Камиллой не пересекаешься...

«Знали бы вы...» – грустно подумала Марина.

Впрочем, сегодня у нее было хорошее настроение.

Возвращаясь с работы, Марина заскочила в супермаркет: в холодильнике было совершенно пусто, а муж не удосужился съездить за продуктами, хоть и обещал. Уже на выходе, буквально в дверях, она столкнулась с женщиной, которая показалась ей знакомой. Та тоже остановилась и неуверенно произнесла:

– Марина...

– Ой, Лида, господи! – Марина засмеялась. – Я тебя и не узнала сразу, богатой будешь!

Она пригляделась и увидела, что на бывшую жену Женьки снизошло нечто большее, чем богатство. Одета она была довольно дорого и со вкусом, но дело было не в этом. Было что-то такое в ее глазах, что Марина назвала бы счастьем. Да, Лида выглядела счастливой и довольной жизнью.

К чести Марины, ни ростка зависти не проросло в ее душе. Они не успели подружиться тогда, когда Лида была замужем за Женькой, но симпатизировали друг другу.

Люди проходили мимо, толкались, и Лида предложила:

– Зайдем в кафе, поговорим?

Марина хотела ответить, что ей некогда, дома муж ждет, но тут же оборвала себя – подождет, с голоду не помрет, не тот человек.

Они зашли в кафе, взяли по чашке кофе и пирожному.

– Как ты? – задала Марина дежурный вопрос.

– Боюсь сказать... – Лида светло улыбнулась, – но вроде бы хорошо... не сглазить бы...

– Все хорошо и будет, – убежденно сказала Марина.

– А ты, как я посмотрю, не очень, – медленно сказала Лида. – Уж не подумай, что я гадости говорю...

– Что, так заметно? – упавшим голосом спросила Марина.

– Мне заметно, потому что беда у нас с тобой общая, – вздохнула Лида. – Знаешь, из-за чего я с Плавунцом развелась?

– Догадываюсь, – тихо проговорила Марина.

– Вот так вот. Как замуж вышла, то все радовалась, до чего у них компания хорошая, все вместе, не скучно им друг с другом, всегда есть о чем поговорить. И с Камиллой этой... – Лида поморщилась, видно, до сих пор противно было вспоминать. – С Камиллой мы вроде как подружились. Она тогда еще не такая звездная была, попроще, помоложе. Мне даже нравилась ее энергия, напор и что мужики вокруг нее вьются. Было в ней что-то особенное...

– Аура, – усмехнулась Марина.

– Ну да, – вздохнула Лида и, помолчав, продолжила: – Ну, что с другими она вольно себя ведет, это мне неважно. А что с моим Женечкой целуется при встрече, обнимается, похозяйски его оглаживает, так что тут сделаешь? Старые друзья. Может, у них так принято? Мы тогда в новую квартиру переехали. Так они все у нас собирались. Антон твой приходил, Рябокони, Камилла с мужем. У нее муж был режиссер-документалист с телевидения, он ее туда и пристроил. И вот мы с дочкой были как-то у мамы, заночевали там. А утром приехала, стала уборку делать и нашла Камиллину сережку.

– На диване? – снова усмехнулась Марина.

– Ага. У нее сережки были такие старинные, говорила, что от бабушки достались. Изумрудик маленький, а вокруг сколочки алмазные. И главное, мы накануне встречались на какой-то презентации, и сережки эти на ней были! Ну, что тут можно подумать? Только одно.

– И что ты?

– Да ничего. Сережку спрятала, а сама в ванной поплакала: думала, ладно какая бы посторонняя девка, а то подруга, можно сказать. Сколько времени у меня дома провела, сколько кофе моего выпила, сколько тряпок моих перемерила! В общем, мужу ничего не сказала, а к этой компании стала присматриваться. И поняла, что все это у них не вчера началось, что Камилла эта... в общем, со всеми она спит, никого пропустить не может. Такая у нее натура. Если с кем попало, там, на телевидении, то сплетни пойдут, а с близкими друзьями можно, они не подведут. И началось у них это еще со школы, так она их скрутила. Антон твой тоже...

– Да знаю, – вздохнула Марина, – имела случай убедиться.

– В общем, продержалась я год... врагу не пожелаю такого года! – Лидия отхлебнула остывший кофе. – Похудела, пожелтела вся, мама даже забеспокоилась, на обследование меня записала. И за этот год я все про них узнала, по глазам научилась определять, когда и где они с этой Камиллой встречаются. И вот как-то утром лежу – а вечером в ресторан с ними всеми идти – и чувствую, что не могу их больше видеть, повешусь или из окна выброшусь. И даже не потому, что мужа ревную, – к тому времени и любовь вся прошла, а потому, что просто невозможно так жить!

«Как я тебя понимаю...» – подумала Марина.

– Ведь они все друг перед другом выделяются! Врут всем и себе тоже! Дружба у них... да они вокруг этой Камилки вертятся. Ну что в ней такого особенного? – Лида раздраженно отодвинула пустую чашку. – В общем, разбудила я Женьку, да все ему и выложила, пока решимость не прошла. Так, мол, и так, говорю, не могу больше.

– А он что?

– Отпираться не стал. Сказал: «Что время тратить? Ты права, не получится у нас ничего, это сильнее нас. Милка – она особенная, тянет меня к ней. Знаю, что она и с Антоном тоже, и с Костей какая-то история была. Он с тех пор с такой тоской на нее смотрит. Прости, я больше никогда не женюсь, чтобы никакую другую женщину не сделать несчастной. У Антона, – сказал, – другая позиция: если не на Камилке жениться, то все равно на ком».

– Вот спасибо! – не выдержала Марина.

– Уж извини за прямоту, – спохватилась Лида.

– А потом что было?

– Да ничего. Взяла я Янку и ушла к маме. Потом уже разобрались мы с квартирой и деньгами, тут я на Женьку не в обиде. Я к чему все это рассказываю? – заторопилась Лида. – Беги от них! Беги как можно скорее! Иначе это все твою жизнь разьесть похуже ржавчины! Потом и собирать нечего будет! Потому что Камилле этой человека растоптать – раз плюнуть. Ее первый муж после развода пить начал, отовсюду его погнали, сейчас, кажется, даже умер в полной нищете. Так что уходи ты пока не поздно! Вижу, что смириться с таким положением вещей не сможешь.

– Пока об этом не думала... – протянула Марина, – но, наверное, ты права. Ладно, учту твои советы. А сейчас пора мне...

«Вот как, – думала Марина, таща сумки с продуктами. – Стало быть, если не на Камилле, то все равно на ком жениться. И взял Антоша обычную девчонку из провинции, некапризную, небалованную, нетребовательную – чем не жена? Жить не мешает, хозяйством занимается. Делать ничего не умеет, работы приличной не найдет, так что будет сидеть тише воды, ниже травы... Все так и есть».

Дома никого не было, так что она успела приготовить ужин и сделать кое-что по хозяйству.

Муж пришел поздно, и Марина против воли подумала, не утешал ли он Камиллу. Впрочем, нет, Камиллочка небось зализывает раны в одиночестве, не хочет показаться несчастной. Как же – успешная красавица, далеко пойдет! А тут вся в краске. И проект накрылся, послал ее Назимов далеко лесом. И шеф добавил.

Но после разговора с Лидой Марина не чувствовала больше радости от содеянного. Даже если уволят Камиллу с канала, все равно Антон от нее не отвяжется. И похоже, что она, Марина, своему мужу не нужна. А если так...

Марина задумалась, а нужен ли он ей. Вроде бы она к нему хорошо относилась, замуж выходила по любви. Или думала так. Вот кого она любила безумно, так это Тимку.

Она легла, едва в замке заскрипел ключ, и неожиданно крепко заснула, не услышав, как муж жадно ест картошку с мясом прямо из кастрюли. Едва ли у него это получилось бы, если бы она присутствовала на кухне.

Утром она разогрела остатки ужина. В квартире было относительно чисто и витал аромат свежесваренного кофе. В ванной громко шумела вода и слышался немелодичный голос Антона. Он любил петь в ванной по утрам, но у него совершенно не было музыкального слуха.

Зазвонил его мобильник, и Марина постучала в дверь ванной.

– Антон, телефон! Вдруг что важное?

Он выскочил, затягивая полотенце на бедрах, схватил мобильник и прошлепал босыми ногами на кухню, оставляя за собой мокрые следы. Марина нахмурилась, но ничего не сказала.

Муж закончил разговор, хотел положить мобильник, но тот выскользнул из мокрой руки и упал на пол.

– Черт! – Антон резко нагнулся, полотенце свалилось, и Марина совсем близко увидела его голую мускулистую спину и то, что ниже. В том же ракурсе, что и тогда...

Она рванула в туалет, не сумев удержать тошноту.

– Маруська, эй! Тебе плохо? – Муж застучал в дверь, а увидев ее бледное лицо, уточнил: – Ты не беременная?

– Да отстань ты! Хоть бы про ребенка спросил, как он там? – закричала Марина и, заметив его удивление, окончательно озверела: – Забыл, что у тебя сын есть? С глаз долой – из сердца вон? И не смей звать меня Марусей, противно!

– Точно, беременна, – огорчился муж. – Ты проверься, а то поздно будет аборт делать.

«Убила бы! – в бессильной ярости подумала Марина. – И тебя, и эту стерву Камилку!»

Прошло недели две. За это время компания встречалась несколько раз: в выходные ездили на шашлыки, были на презентации дорогих сортов виски, куда Женю с друзьями пригласил благодарный клиент, были на даче у Рябоконой – старый дом и огромный участок, заросший кустарником и крапивой.

По наблюдению Марины, Камилла после истории с краской полностью оправилась – была как всегда полна энергии и новых идей. Хотя, по рассказам Саши, отношения с шефом у нее испортились, потому что Назимов все же разорвал их предварительное соглашение и, по слухам, обратился к конкурирующему каналу.

И все же Камилла оставалась ведущей цикла передач. Ту, куда вместо нее взяли Варвару Чайкину, все равно собрались закрывать – дескать, такой формат устарел, нужно что-то более современное. Кроме того, некоторые активные телезрители писали, что ведущая неправильно ставит в словах ударения и путается в падежах. И это при том, что не говорит от себя, а читает текст на экране...

Стояла чудесная погода, и Марина не то чтобы успокоилась, но перестала принимать случившееся так близко к сердцу, смогла немного отстраниться. Она наврала мужу, что ходит по врачам, и он оставил ее в покое в смысле секса.

Пережить постоянные сборища школьных друзей ей помогали беседы с Георгием. Герой, как она теперь его называла. При ближайшем знакомстве он оказался вполне приятным человеком – спокойный, неглупый, с чувством юмора, хороший рассказчик. Он делился с ней забавными случаями из археологических экспедиций, в которых участвовал вместе с дедом, про свой любимый предмет – историю. Признался, что был молодым самонадеянным дураком, когда в свое время не захотел специализироваться на шумеро-аккадской культуре, не захотел продолжить дело деда – дескать, все подумают, что он сам ничего не может, прячется за широкой спиной академика.

– Дед тогда обиделся, но вида не подал, он гордый был человек и чужое мнение уважал.

– А где же ты работаешь? – задала Марина естественный вопрос.

– Я специалист по истории России восемнадцатого века, работаю в историческом архиве.

И, заметив, что Марина невольно поморщилась – что за работа в архиве, во всяком случае, для мужчины, – подмигнул и рассказал, чем зарабатывает на жизнь, поскольку зарплата его и правда невелика.

– Составляю на заказ родословные. Вот обращается ко мне человек, просит узнать, кто были его предки. Фамилия у него хорошая, дворянская, но корни давно утеряны. Сама понимаешь, столько всего в стране произошло, особенно за последние сто лет. Вот я ищу старые записи, упоминания. Церковные книги очень помогают, дворянские родословные книги, да много документов есть.

– А если окажется, что никакой он не дворянин, тогда что?

– В корень смотришь, – усмехнулся Георгий. – Тогда по обстоятельствам, от клиента зависит. Ино-му лучше соврать, чтобы неприятностей не иметь. Пускай человек гордится, кому от этого хуже?

Ей нравилось его слушать. Голос негромкий, приятный, речь немного старомодная, без всяких сленговых и грубых словечек, но живая. В его рассказах герои древней истории выглядели реально существующими людьми.

Так, римский император Гай Юлий Цезарь, оказывается, был лысый, оттого и носил все время лавровый венок, чтобы лысину прикрыть. А царица Елизавета Петровна любила, чтобы ей перед сном не меньше получаса чесали пятки. Великий полководец генералиссимус Суворов вставал очень рано и, будучи в походе, самолично проезжал по лагерю и будил солдат криком петуха. Император Наполеон ел очень быстро, все подряд, одновременно из нескольких тарелок – суп, жаркое, десерт. Запихивал все это в себя в течение десяти минут и бежал заниматься государственными делами. А деятель времен Французской революции Марат, оказыва-

ется, был заколот в ванне вовсе не потому, что принимал ее после встречи с любовницей. У него была серьезная болезнь кожи, поэтому, чтобы избавиться от зуда, он вообще все время проводил в ванне – и работал, и принимал посетителей.

Слушая Георгия, Марина невольно думала, что если бы в школе им рассказывали хоть что-то живое и интересное об этих исторических личностях, тогда их можно было бы представить себе воочию. И – как знать? – возможно, она заинтересовалась бы, стала бы читать, потом захотела бы учиться дальше. И не работала бы в зачуханной фирмочке по продаже кондиционеров и не познакомилась бы с Антоном, когда он пришел заказывать большую партию.

И не вышла бы за него замуж. И не застала бы его на диване с Камиллой.

Конечно, все может быть... Но тогда она не встретила бы с Георгием. С Герой.

Осознала эту мысль Марина не сразу. Разъезжаясь с дачи Рябоконеи, уславливались встретиться через три дня. Оказывается, у Женькиной девицы Леночки намечался день рождения, и она приглашала в новый ночной клуб.

– Я не смогу, у нас корпоративная вечеринка, – пробормотала Марина и поймала себя на мысли: «Жаль, что я не увижусь с Герой». Он еще многое должен ей рассказать, и вообще их беседы придавали ей сил. В своих разговорах они по негласному соглашению не касались никого из присутствующих. Марина не расспрашивала Геру о том, как они познакомились с Камиллой, хотя невольно задавала себе вопрос, отчего сошлись такие разные люди. Он тоже не касался ее семейной жизни. Может быть, почувствовал, что ей это неприятно? Зато с интересом слушал ее рассказы о Тимке, о том, какой он большой и умный ребенок и как она по нему скучает.

Так что отказалась она пойти на встречу просто машинально. Станут они из-за нее переносить встречу shy; shy;-чу, как же...

Но ее слышали.

– Ой, я же тоже не смогу! – спохватилась Камилла. – Спасибо, Маринка, что напомнила.

Вот как! Оказывается, ее все-таки замечают. Марина поскорее отвернулась, чтобы никто не видел ее лица.

Поход в ночной клуб отложили, несмотря на то что Леночка надула губки.

В коридоре возле лестничной площадки Марина увидела секретаршу босса и костюмершу. Лиля с задумчивым видом лизала леденец на палочке. Саша читала ей нотацию:

– Ты не знаешь, какую дрянь они кладут в эти леденцы! Это же сплошная химия! Тебе, в твоём положении, нельзя все подряд в рот тащить...

– А что я могу поделать, если организм требует! Вот прямо слышу, как он говорит – хочу чупа-чупс...

– Ну, если требует... – сдалась Саша.

– Это ладно, я со своим организмом как-нибудь разберусь, – продолжила Лиля, подозрительно разглядывая леденец. – Вот действительно серьезный вопрос: что надеть на корпоратив? У нас же годовщина канала на носу, а я из всех платьев выросла...

– Можешь особенно не заморачиваться, – фыркнула Саша. – Шеф сказал, что дела идут плохо, денег нет и в этом году мы не будем снимать ресторан.

– То есть как это – не будем? – возмутилась Лиля. – Каждый год отмечали годовщину, а теперь вдруг не будем?

– Ой, да тебе-то не все ли равно? Ты же ничего не пьешь, почти ничего не ешь... что тебе за радость от корпоратива?

– Дело в принципе! Годовщина есть годовщина, ее полагается отмечать, это закон природы... тем более что пять лет – круглая дата. Ну не то чтобы совсем круглая, но, скажем, овальная... А вообще ты права, редкостная гадость! – Лиля поморщилась и выбросила леденец в мусорное ведро.

– Не волнуйся, отметим мы эту несчастную годовщину! – успокоила ее Саша. – Только не в ресторане, как в прошлом году, а прямо здесь, на студии.

– Вот радость-то! – скривилась Лиля и повернулась к Марине: – Это значит, мы будем на побегушках! В ресторане все обслуга делает, а ты только ходишь в красивом платье и с прической, а если здесь – значит, нас заставят то бутерброды порезать, то фрукты почистить, то напитки разлить... а мне, может, противно на эту еду смотреть! У меня, может, организм не принимает...

– Не беспокойся, – заверила ее Саша, – тебя никто не тронет, мы с Мариной вполне управимся.

На следующий день все уже только и говорили о грядущем корпоративе. Каналу действительно исполнялось пять лет, по этому поводу шеф с тяжелым вздохом выделил из своего скромного бюджета некоторую сумму на напитки, закуски и оформление. Кто-то из персонала заикнулся о том, чтобы пригласить ведущим известного шоумена, но тут шеф зашипел, как рассерженная кобра:

– Еще на этого идиота деньги тратить? Вы зна shy; shy;ete, сколько он берет за проведение корпоратива! Да у нас в коллективе полно ведущих! Вон Валентин Васильевич проведет!

Валентин Васильевич – пожилой дядечка с внешностью сытого кота – читал на канале прогноз погоды.

В день годовщины все сотрудники пришли на студию нарядные и оживленные. У Марины настроение было совсем не праздничное, но она взяла себя в руки, надела лучшее платье, уложила волосы в парикмахерской. Мастер, правда, хмурилась, качала головой и твердила, что волосы в плохом состоянии – не иначе как из-за сильного стресса. Марина только отмахнулась – не хватало еще о своих неприятностях трепаться в парикмахерской!

Во всех ее несчастьях был один положительный момент: от переживаний она похудела и платье сидело отлично. Она и сама это видела, но лучшее доказательство ей предоставила Альбина из бухгалтерии, которую при встрече с Мариной в коридоре перекосило так, будто она съела лимон без сахара.

Студия была украшена шариками и цветами, в холле расставили столы, из динамиков раздавалась жизнерадостная музыка, совершенно не соответствующая Марининому настроению. Впрочем, как выяснилось, на нее у начальства были другие планы. Ее вызвал к себе завхоз Иосиф Иванович и сказал, что она, как новый сотрудник, должна помочь в проведении праздника – как и говорила Лиля, порезать бутерброды, почистить фрукты, разлить напитки...

Марина не стала особенно возражать (а смысл?) и включилась на пару с Сашей в производственный процесс.

Впрочем, как выяснилось, кроме этих несложных обязанностей ее ждало еще одно мало-приятное занятие.

По поводу праздника на студию приехала жена шефа Вероника – крупная, шумная, яркая блондинка на голову выше мужа. Саша, покосившись на нее, вполголоса сказала, что Вероника безумно ревнует своего неказистого мужа, поэтому ходит на все праздники, чтобы держать руку на пульсе.

Увидев Марину, которая несла поднос с бутербродами, Вероника остановила ее повелительным жестом и потребовала:

– Принеси мне минеральной воды без газа!

Марина хотела возмутиться, сказать, что она не официантка, но перехватила умоляющий взгляд шефа и отправилась за водой. Не успела она принести воду, как Вероника отправила ее в приемную за шарфом, потом за телефоном... в общем, ей некогда было вздохнуть, не говоря уже о том, чтобы чего-нибудь съесть или выпить.

Через час от беготни, громкой музыки и бесконечных требований супруги шефа Марина дико устала и, воспользовавшись паузой (Вероника танцевала с ведущим новостной про-

граммы), выскользнула из холла, где набирал обороты корпоратив, бессмысленный и беспощадный, как все такие праздники. Она остановилась в полутемном коридоре возле пожарного выхода и пожалела, что не курит – сейчас сигаретка помогла бы ей успокоиться и снять стресс.

Не успела она додумать эту мысль до конца, как дверь в дальнем конце холла хлопнула и в коридоре появилась женская фигура.

Марине не хотелось ни с кем общаться, не хотелось объяснять, что она делает одна в темноте, и она юркнула за искусственную пальму. Когда-то эта пальма стояла в кабинете шефа, но он потребовал, чтобы это безобразие выбросили, однако завхоза задушила жаба и он переставил растение в коридор.

Отсюда, из-за пальмы, коридор хорошо просматривался, и Марина увидела, что к ней приближается Камилла. Она порадовалась, что спряталась – вот уж с кем ей точно не хотелось сейчас разговаривать!

Камилла между тем остановилась в нескольких шагах от нее, поднесла к уху мобильный телефон и проговорила приглашенным голосом:

– Это я. Да, материал подготовила ... по-моему, получилось неплохо... да что там – неплохо, это будет просто грандиозно! Ничего подобного ни у кого нет! Да, я все записала на флешку, она у меня с собой. Сегодня? В десять часов? Хорошо, договорились, я выйду в десять...

Закончив разговор, Камилла убрала телефон и ушла в свою комнату, где провела не больше минуты и снова появилась в коридоре. В одной руке у нее была сумка, в другой – маленький блестящий предмет. Приглядевшись, Марина поняла, что это компьютерная флешка.

Камилла сунула флешку в косметичку из синей замши, убрала ее в сумку, застегнула молнию и направилась в сторону холла. На секунду из открытой двери в коридор выплеснулся шум корпоратива – крепкий коктейль из музыки, смеха и громких голосов, а затем снова наступила настороженная тишина. Оставшись одна, Марина задумалась об услышанном.

Нет, все же Камилла непотопляема! Только что у нее случились один за другим два серьезных прокола, но она уже снова была на коне, снова готовила какой-то грандиозный проект. Интересно, с кем она сейчас разговаривала? Судя по тому, что звонила тайком, это кто-то со стороны... может быть, подстраховывается и за спиной шефа ведет переговоры с конкурентами? Может быть, тайком готовит для себя «запасной аэродром»? А что? Вполне возможно: на этом канале отношения с начальством у нее здорово испорчены, шеф не простит ей ухода Назимова.

Вот бы узнать, с кем она говорила!

И тут Марина поняла, что вполне может это сделать. Камилла встречается со своим тайным собеседником в десять часов. Значит, можно подкараулить ее возле выхода и посмотреть на этого человека.

Сама-то Марина вряд ли его узнает – она в мире телевидения недавно, еще никого здесь не знает. Но можно тайком сфотографировать его на мобильный телефон, а потом кому-нибудь показать. Например, Саше. Секретарша шефа знает очень многих важных людей и наверняка сможет его опознать...

Тут же у Марины мелькнула еще одна мысль. Она ведь может не только узнать, с кем встречается Камилла, но и выяснить, что за грандиозный проект та готовит. Больше того – она может помешать его осуществлению и еще раз сорвать планы Камиллы! Для этого нужно только одно – стащить у Камиллы флешку!

Конечно, это будет непросто, но игра стоила свеч...

В конце концов, Марина же решила отомстить этой стерве, так что не стоило отказываться от этого плана только потому, что она теперь симпатизировала Георгию. План был таков: методично отобрать у Камиллы все – работу, хорошее отношение начальства, успех, карьеру.

И мужа. Правда, вторую часть плана будет исполнить трудновато, потому что Георгий ей нравился. Он хороший человек, и использовать его было бы неправильно. Ну да ладно, об этом потом.

Марина вернулась в холл и чуть не оглохла от музыки и гула голосов.

К ней подскочила Саша и с обидой проговорила:

– Куда же ты пропала? Я тут одна просто зашиваюсь, с ног падаю! Принеси еще бутербродов, а то все съели... Ты меня слышишь?

– Да, сейчас... – пробормотала Марина, взгля shy; shy;дом отыскивая среди гостей Камиллу.

Та в дальнем конце холла о чем-то разговаривала с шефом.

Марина пошла через толпу, машинально отвечая на улыбки знакомых и стараясь держаться непринужденно, и уже была в двух шагах от Камиллы, как вдруг жесткие пальцы схватили ее за плечо и раздался громкий, визгливый, ввинчивающийся в мозг голос Вероники:

– Долго я должна ждать? Кажется, я не просила ничего особенного, всего лишь бокал шампанского, но я жду его уже минут сорок!

– Не знаю, лично у меня вы ничего не просили, – огрызнулась Марина.

– Мне без разницы, кто принесет шампанское! – продолжала верещать Вероника. – Важно, чтобы его наконец принесли, пока я еще не состарилась! Никита! – Она завертела головой в поисках мужа. – Как ты распустил свой персонал! Это просто кошмар!

Шеф, который по-прежнему разговаривал с Камиллой, повернулся к жене и страдальческим голосом произнес:

– Дорогая, ты видишь, я занят...

– Да, я вижу, что для тебя твои девки важнее жены!

– Дорогая, ну зачем ты так?.. – Шеф нашел взглядом Марину и нахмурился: мол, сделайте же что-нибудь!

Она вздохнула и полным смирения голосом проговорила:

– Не волнуйтесь, сейчас я принесу ваше шампанское!

– Я надеюсь, это случится еще в этом году! – процедила Вероника. – И смотрите, чтобы никакого полусладкого! Настоящее шампанское – это только брют!

«Чтоб на тебя от этого шампанского икота напала!» – подумала Марина и отправилась к буфету.

Когда она вернулась, диспозиция несколько изменилась – шеф стоял перед женой в позе нерадивого ученика, выслушивающего нотацию. Камилла танцевала с парнем из рекламного отдела. Ее сумка лежала на стуле. Проходя мимо, Марина скосила глаза.

Сумка была полуоткрыта, и в ней виднелась синяя косметичка.

– Ну вот твоё шампанское! – примирительным тоном проговорил шеф.

– Лучше поздно, чем никогда! – Вероника схватила бокал, пригубила и, поморщившись, прошипела: – Вам никто не объяснил, что шампанское полагается подавать охлажденным?

– Глобальное потепление, – огрызнулась Марина и быстро ретировалась.

Остановившись перед стулом, на котором лежала сумка Камиллы, она огляделась по сторонам и убедилась, что на нее никто не смотрит. Все были заняты своими обычными делами – девицы хихикали, обсуждали тряпки и кокетничали, мужчины в углу говорили о машинах и рыбалке.

Все-таки в каком-то смысле хорошо быть маленьким, незаметным человеком. Ты чувствуешь себя гораздо свободнее, чем богатые и знаменитые, каждый шаг которых на виду, каждое слово которых повторяют и перевирают.

Марина встала к стулу боком, опустила руку и быстрым движением вытащила косметичку из сумки. Она хотела сразу же достать флешку и положить косметичку на место, но тут увидела направляющуюся к ней Сашу. Ей ничего не оставалось, как незаметно сунуть косме-

тичку в кадку с каким-то большим уродливым растением с крупными волосатыми листьями. Это растение пришло на смену искусственной пальме из кабинета шефа, но тот опять закапризничал: сказал, что у него при взгляде на волосатые листья катастрофически портится настроение. Учитывая, что шеф был лыс, как колено, ему поверили, и завхоз переставил растение в холл.

– Я же тебя просила принести бутерброды! – с обидой в голосе проговорила секретарша. – Ведь это кошмар какой-то, как они едят! Я одна не успеваю...

– Да, я сейчас... – Марина бросилась на кухню и на несколько минут забыла про Камиллу и ее проект.

Разделавшись с бутербродами, она вернулась и подошла к кадке, чтобы довести дело до конца, но в этот самый момент подскочила Камилла, схватила свою сумку и быстро зашагала прочь.

Марина, закусив губу, проводила ее взглядом.

Сейчас она заметит пропажу и вернется... Что тогда будет? Как выяснилось, Камилла все-таки ее замечает, так что непременно вспомнит, что Марина крутилась поблизости... Могут быть неприятности.

Но Камилла ничего не заметила, она спешила уйти, как Золушка с бала.

Взглянув на часы, Марина поняла причину этой спешки: было уже без нескольких минут десять, у Камиллы оставалось совсем немного времени до встречи с неизвестным собеседником.

Марина снова спрятала косметичку в кадке и пошла следом за Камиллой. Оказавшись на крыльце, она спряталась за колонной, откуда хорошо просматривался вход в здание, и приготовила телефон, чтобы сфотографировать встречу.

Стрелки подошли к десяти.

Перед входом остановилась большая черная машина, но из нее никто не вышел. Камилла торопливо сбежала вниз по ступеням, дверца машины открылась, и Камилла села рядом с водителем.

Марина разочарованно вздохнула: ей не удалось не только сфотографировать незнакомца, но даже увидеть его!

Оставалось утешаться тем, что флешка у нее, а значит, Камиллу ждет очередной прокол. Правда, у нее наверняка осталась копия и она сумеет восстановить флешку, но сегодня настроение у нее будет здорово подпорчено...

С этими мыслями Марина провожала взглядом загадочную черную машину.

Машина подъехала к перекрестку, остановилась на светофоре, дождалась, пока сигнал сменился на зеленый, и тронулась...

В эту минуту произошло что-то удивительное и страшное.

Вместо того чтобы проехать через перекресток, машина подпрыгнула, как резиновый мячик, внутри ее вспыхнуло ослепительное багровое пламя, и она разлетелась на десятки пылящих кусков. Только после этого раздался оглушительный грохот взрыва.

Марина стояла на крыльце как громом пораженная и в изумлении смотрела на пылящие обломки, которые меньше минуты назад были роскошной черной машиной. В которой находилась Камилла...

Марина не могла поверить, что это случилось у нее на глазах. Не может быть. Это все какой-то кошмар, фильм ужасов или скорее боевик. Только что Камилла – как всегда деловая и энергичная, собранная и готовая к борьбе, села в эту машину – и где она сейчас?

Марина обхватила себя за плечи, потому что внезапно почувствовала ужасный холод. Холод смерти. Нет, конечно, она всей душой ненавидела Камиллу, но желала ли ей смерти? Конечно, нет. Ей хотелось увидеть Камиллу поверженной, униженной, растоптанной, утратив-

шей свою вечную самоуверенность. Но мертвой, да еще погибшей такой страшной смертью, разорванной на куски... нет, этого не представить.

Внезапно Марина осознала, что рядом с ней на крыльце столпились люди, которые смотрят туда же, куда и она, – на пылающие обломки машины.

Должно быть, участники корпоратива услышали взрыв и высыпали на улицу, чтобы своими глазами увидеть, что произошло. Среди этих людей она узнала Сашу. Секретарша что-то спрашивала у нее, но Марина не слышала ее голоса, она вообще ничего не слышала, как будто была отделена от мира толстым звуконепроницаемым стеклом. Должно быть, оглохла от взрыва...

Марина встряхнула головой – и невидимое стекло лопнуло, раскололось на тысячу кусков, и все звуки разом обрушились на нее – гул пламени горящей машины, приближающееся завывание сирены, возбужденные голоса людей, и среди них – голос Саши, которая снова и снова спрашивала ее, трясая за руку:

– Ты слышишь меня? Ты в порядке? Почему ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь!

– Да, да, я в полном порядке! Во всяком случае, куда лучше, чем Камилла, – машинально ответила Марина.

– Камилла? – переспросила Саша, и в глазах у нее неожиданно вспыхнуло жадное любопытство. – Так в этой машине была Камилла? Ты уверена?

– Ну да, она только что села в нее, и тут...

– А чья это была машина?

– Понятия не имею, – честно ответила Марина. – Я не видела, кто был за рулем...

– А как ты-то здесь оказалась?

– Да просто вышла глотнуть свежего воздуха. У меня голова разболелась от духоты и шума...

Саша хотела еще что-то сказать, но в это время к месту катастрофы подъехали сразу две машины – огромная ярко-красная пожарная машина и куда более скромный автомобиль «скорой помощи».

Первыми высыпали на мостовую пожарные, в своих громоздких защитных костюмах похожие на инопланетян, и принялись поливать горящие обломки пенными струями. Огонь возмущенно зашипел и погас. Пожарные растащили в стороны куски машины, пробрались внутрь и долго там возились. Тут же рядом возникли люди в белом, погрузили на носилки что-то черное, бесформенное, страшное, даже отдаленно не напоминающее человека, накрыли простыней, откатили к «скорой». Толпа зрителей сдавленно ахнула.

Затем вся процедура повторилась.

«Скорая» уехала, пожарные еще какое-то время заливали пеной обломки, потом вернулись в свою машину. Только один из них задержался среди обломков, но вскоре и он отошел в сторону, держа в руках какой-то обгорелый предмет. Приглядевшись, Марина поняла, что это – сумка Камиллы. Пожарный повертел головой по сторонам, повернулся к крыльцу и...

В эту минуту Марине показалось, что их глаза встретились. Но этого никак не могло быть, ведь лицо пожарного было закрыто защитной маской. И тем не менее ее не покидало чувство, что он смотрит на нее в упор... Она вздрогнула и на мгновение закрыла глаза, а когда открыла их, пожарного уже не было.

Зато появились полицейские. Шустрые молодые люди окружили обугленные обломки, о чем-то оживленно разговаривая. Среди них выделялся один – нескладный, огромного роста, с большими руками и ногами, которые двигались независимо от него, будто жили своей собственной жизнью. Этот верзила подошел к крыльцу и заговорил с сотрудниками студии. Наконец дошла очередь и до Марины.

– Капитан Севрюгин, – представился полицейский и чуть заметно прищурился, разглядывая ее. – Мне сказали, что вы видели, как это произошло.

В его голосе звучал не вопрос, а утверждение.

– Да, видела... – неохотно проговорила Марина и зябко поежилась – перед ее глазами снова встала ужасная сцена.

– И что же конкретно вы видели?

– Я видела, как подъехала машина, как Камилла спустилась по ступеням и села в нее...

– Камилла? – переспросил мужчина, сверяясь со своими записями. – Вы имеете в виду Нежданову?

– Да, ее... она села, машина тронулась, остановилась на светофоре и тут же...

– ...и тут же взорвалась, – закончил за нее полицейский.

– Ну да... – подтвердила Марина.

– Вы не видели человека, который сидел в машине?

– Нет. Он не выходил, только открыл дверцу.

– И еще один вопрос. Как вы оказались здесь, на крыльце, в самый момент... в самый момент этого происшествия?

– Я вышла подышать свежим воздухом, – повторила Марина версию, которую перед тем изложила Саше. – Понимаете, у нас был корпоратив, годовщина канала...

– Я в курсе, – сообщил полицейский.

– Ну вот, а я была вроде как на подхвате, все разносила, подавала... знаете, как это бывает, то туда посылают, то сюда, одному срочно нужно шампанского, другому – бутерброд, ни минутки на месте не посидишь... ну, я устала, решила выйти, а тут как раз Камилла выскочила... ну, дальше вы все знаете.

– Да, конечно, но мне хотелось бы услышать все еще раз, в вашем изложении.

Марина повторила то, что видела.

Капитан слушал ее, что-то записывая в потрепанный блокнот и изредка бросая на нее подозрительные, как ей казалось, взгляды. Марина решила на всякий случай говорить поменьше, только отвечать на заданные вопросы.

Когда она закончила, полицейский спросил:

– Значит, того, кто был за рулем этой машины, вы не видели?

– Нет, – честно повторила Марина. – Вообще-то вы меня об этом уже спрашивали.

– Действительно, спрашивал. – Капитан закрыл блокнот и отошел в сторону.

В помещении студии был жуткий беспорядок – повсюду валялись раздавленные бутерброды, осколки бокалов. Было такое чувство, что тут пробежало стадо испуганных бизонов. Сотрудники бестолково тыкались во все углы, кто-то курил прямо в холле. Пахло дымом и отчего-то тухлыми яйцами. Среди всех бродил завхоз Иосиф Иванович с огнетушителем в руках.

Чтобы себя чем-то занять, Марина принялась собирать мусор в бумажный пакет – сил не было смотреть на это безобразие. К ней присоединилась бухгалтер Альбина.

– Собрать все, да и уйти поскорее, – бормотала она, – сыта я по горло этим корпоративом.

Прибежала заплаканная Сашка и запричитала:

– Ну как же это, как же... Какой ужас... а я-то еще про нее...

– Помолчи! – сказала Альбина. – Поменьше болтай! Теперь на студии начнется свистопляска – кто ее, да за что, да были ли враги?.. А кто у нее в друзьях-то ходил, хотела бы я знать...

«Это уж точно», – подумала Марина.

Явился шеф – весь красный, раздраженный, его замучили расспросами, за каким чертом его сотрудница села в машину крупного бизнесмена Борецкого. Хозяина машины выяснили очень быстро, по номеру.

– Ну, тогда от нас отстанут, – шепнула Альбина, – это, стало быть, его кто-то взорвал, а Камилла просто не в той машине оказалась.

Тут выскочила из кабинета, как чертик из табакерки, жена шефа Вероника и, схватив Марину за рукав, сказала:

– Принесите мне коньяку! Мне надо срочно снять стресс, а то давление повысится.

– Отвали! – Марина вырвала свою руку. – И так за весь вечер достала уже!

Вероника от изумления широко открыла рот и уставилась на сотрудницу мужа как баран на новые ворота, но Марине до нее не было никакого дела.

Домой их с Сашей подвез оператор Андрей, им было по пути.

* * *

В тот же вечер, точнее, уже ночью, в кабинете начальника полиции собралось несколько человек.

– Итак, что мы имеем? – Начальник окинул своих подчиненных усталым от хронического недосыпания взглядом. – Мамлеев, что у нас с машиной?

– Пробили по номеру, машина принадлежит Борецкому.

– Тому самому Борецкому? – в голосе начальника прозвучало крайнее неудовольствие.

– Тому самому, – подтвердил Мамлеев, – Виктору Борецкому, владельцу компании «Анкор», председателю чего-то там, генеральному директору и еще черт знает кому.

– В общем, извиняюсь, очень большой шишке! – тоскливо проговорил начальник. – Как сейчас выражаются – випу... И что – он сам находился в этой машине?

– Экспертиза еще не завершена, но пока все однозначно говорит за то, что это он. Конечно, труп очень обгорел, и нельзя быть до конца уверенным, пока не получим его зубную карту и не произведем сравнение...

– Значит, он... – начальник снова тяжело вздохнул. – Значит, мы с вами имеем резонансное дело со всеми вытекающими, извиняюсь, последствиями...

– У меня один вопрос, – подал голос капитан Севрюгин.

– Только один? – переспросил начальник. – Надо же! У меня гораздо больше!

– Почему он сам находился за рулем машины? – проговорил Севрюгин, делая вид, что не заметил сарказма. – Обычно такие шишки ездят с личным шофером...

– Обычно! – передразнил его начальник, скривившись. – В нашей работе, Севрюгин, вообще очень много, извиняюсь, необычного. А насчет твоего вопроса – я думаю, Севрюгин, тут имеет место романтический, извиняюсь, аспект.

– Какой? – удивленно переспросил Севрюгин.

– Ты эту Нежданову видел?

– Там особенно не на что смотреть. Натуральное барбекю... одни уголья!

– Я имею в виду прижизненные фотографии.

– А, да... интересная была женщина.

– Вот именно. Так что, скорее всего, у них с Борецким был, извиняюсь, роман, а проще говоря – связь. Так что вполне понятно, почему он сам был за рулем – не хотел посвящать шофера в свою, извиняюсь, интимную жизнь. Так что, Севрюгин, не задавай глупых вопросов, а лучше ищи ответ на самый главный вопрос: кто этого Борецкого порешил. А для этого ты должен ответить на другой вопрос... знаешь на какой, или тебе, извиняюсь, подсказать?

– Кому выгодно... – неохотно проговорил Севрюгин.

– Вот именно! Кому выгодна смерть Борецкого! А для этого тебе, Севрюгин, придется перешерстить его бизнес-интересы, выяснить, какие у него были конкуренты, извиняюсь, и соперники, кому была выгодна его смерть...

– Вы же знаете, я в таких делах не очень разбираюсь... – тоскливо проговорил Севрюгин.

– А придется! – Начальник обвел подчиненных взглядом и проговорил, с трудом скрывая зевоту: – Все, по домам! И чтобы завтра у меня уже были подозреваемые!

* * *

Домой Марина вернулась после полуночи и прямо в прихожей столкнулась с мужем. Антон с серым, перекошенным лицом надевал ботинки. При виде Марины его еще больше перекосило, как будто он ожидал увидеть кого-то другого.

– Куда это ты собрался посреди ночи?

Антон отшатнулся, посмотрел на жену как на привидение и проговорил чужим срывающимся голосом:

– Ты... ты... ты еще спрашиваешь? Да ты хоть знаешь, что сегодня случилось?

– Еще бы мне не знать! Ты не забыл, что я работаю на студии? А вот ты откуда узнал?

– Из новостей...

– Ах, ну да... – Марина поняла, что телевизионщики никак не могли пропустить такую сенсацию. Слетелись на запах крови и смерти, как мясные мухи... – И все-таки куда это ты собрался посреди ночи?

– Не твое дело... – Антон покачнулся, с трудом удержав равновесие.

Марина принялась и почувствовала, что от него сильно пахнет спиртным.

– Как это – не мое? Ты не забыл, что мы с тобой все еще женаты?

– Да уж, забудешь об этом!

– Так куда ты собрался, да еще в пьяном виде?

– Я не пьян... – Антон отодвинул ее с пути, протиснулся к двери. – Ты что, не понимаешь? Я должен был снять стресс... я потерял подругу... друга... близкого друга...

Марина хотела сказать ему, кого он на самом деле потерял, но с большим трудом удержалась.

Антон вышел из квартиры, хлопнув дверью, вскоре раздался звук подъехавшего лифта.

Марина посмотрела ему вслед и поняла, что ей на самом деле наплевать, куда он отправился и что с ним будет. Хотя и так все ясно – небось к Женьке Плавунцу намылился, будут пить до утра и завивать свое горе веревочкой. Остались одни, сиротинушки горькие, погорельцы несчастные!

Тут Марина вспомнила, как пожарные вытащили из сгоревшей машины что-то жуткое, обугленное, не похожее на человека, и невольно содрогнулась.

Приняв душ, она легла в постель и, к своему удивлению, быстро заснула. Ей даже приснился сон – длинный и удивительно яркий. В этом сне она поднималась по широким каменным ступеням к огромному золотому храму, перед входом в который стояли две статуи фантастических животных – драконы с львиными головами...

На следующее утро Марина встала по будильнику.

Мужа рядом с ней не было, но он обнаружился на диване в гостиной – спал одетый, с опухшим красным лицом.

Посмотрев на него с каким-то странным безразличием, Марина подумала: «Ни за что не стану его будить!» – и отправилась на работу.

На студии царил мрачный покой.

Камиллу здесь никто не любил, но теперь все считали своим долгом продемонстрировать скорбь, а потому громкими фальшивыми голосами говорили о том, какая она была талантливая, какая замечательная, какие большие надежды подавала. Кто-то уже повесил на стену в холле большую фотографию в траурной рамке, рядом с фотографией стояли темно-красные розы.

Марина пыталась работать, но у нее все валялось из рук. Впрочем, в такой день это никого не удивляло, все слонялись по студии и бесконечно обсуждали вчерашнюю трагедию, а

начальство безуспешно пыталось бороться с таким настроением. Перед обедом к ней забежала Саша и сообщила, что сотрудники собирают деньги на венок. Марина деньги дала, но спросила:

– А что, с похоронами уже определились? Назначили конкретный день?

– Какое там! – Саша сделала круглые глаза. – Но мы решили заранее собрать, а там как получится...

Оставшись одна, Марина прислушалась к себе, попыталась разобраться в собственных чувствах... и не нашла в своей душе ничего, кроме растерянности и опустошения.

В который раз она подумала, что вовсе не желала Камилле смерти, а хотела только увидеть ее посрамленной, униженной, сломленной – но не мертвой...

Среди суеты и бесконечных пустых разговоров день пролетел незаметно.

В седьмом часу Марина вышла на улицу и медленно побрела к метро – ей вовсе не хотелось домой, не хотелось видеть Антона, разговаривать с ним...

Люди вокруг спешили по своим делам, обтекали ее, как река обтекает застрявшую на отмели корягу, некоторые недовольно на нее косились. Вдруг в сумке зазвонил мобильный телефон. Марина остановилась, достала телефон и взглянула на дисплей. Номер был незнакомый. Она поднесла телефон к уху и настороженно спросила:

– Кто это?

В это время где-то рядом раздался оглушительный рев мотора. Из-за угла вылетел мотоциклист в закрывающем лицо зеркальном шлеме, на полном ходу пронесся мимо Марины и вырвал у нее сумку. Она опешила от неожиданности, покачнувшись, с трудом удержавшись на ногах, и выронила телефон. Тот ударился об асфальт и разлетелся на несколько частей.

Вокруг Марины столпились люди: кто-то смотрел на нее с сочувствием, кто-то – с любопытством, все громко обсуждали происшествие.

– До чего дожили! – сказала худенькая старушка с голубыми завитыми волосами. – Прямо на улице сумки отнимают! А все потому, что понаехали всякие...

Крупная женщина с огненно-рыжими волосами громким уверенным голосом допытывалась у Марины, как она себя чувствует и не кружится ли у нее голова. Коренастый лысый дядька спрашивал, не заметила ли она номер мотоцикла.

Молодой парень в черной кожаной куртке поднял телефон, собрал его, вставил аккумулятор и протянул Марине:

– Кажется, работает!

Она машинально поблагодарила его и огляделась, пытаясь понять, где находится. Рыжая тетка взяла ее за руку и стала считать пульс.

– Я в порядке, в порядке... – пробормотала Марина, вырвав руку.

Сквозь толпу к ней протиснулся долговязый парень.

– Ваша сумка? Он ее выбросил за углом!

Марина схватила сумку и заглянула внутрь: косметика, пропуск, проездной и кое-какие мелочи были на месте, пропали кошелек, банковская карточка, а самое главное – ключи от дома.

Зеваки постепенно утратили к ней интерес и разошлись. Последней ушла рыжая тетка, напоследок взяв с Марины слово, что та сегодня же, самое позднее – завтра, сходит к врачу.

Марина доплелась до метро, доехала до дому, сунулась в сумку за ключами, но тут же опомнилась и позвонила в дверь.

Антон открыл почти сразу, как будто ждал. Однако, увидев его, Марина поняла, что он не ждал, а снова собрался куда-то уходить. При виде жены лицо Антона вытянулось, и он недовольно протянул:

– Это ты? Что звонишь? У тебя же есть ключи!

– У меня вырвали сумку, – мрачно проговорила Марина. – Ключи украли...

– Я поеду к Жуку, помянем Камиллу.

Марина поняла, что муж ее не слушает, и повторила:

– Ты понял? У меня на улице вырвали сумку, украли ключи. Придется поменять замки.

– Сумку? – Антон уставился на нее. – Что ты несешь? Вот же твоя сумка!

Марина постаралась взять себя в руки и с удивительным терпением проговорила:

– Он почти сразу выкинул сумку, взял из нее кошелек, карточку и ключи. Сумку нашли поблизости. Карточку я, конечно, заблокирую, а замки придется поменять. Я была бы тебе очень признательна, если бы ты этим занялся...

– Вот еще! – Антон побагровел. – Нет у меня времени! Растяпа! Как тебя угораздило?

– Говорю же тебе – у меня на улице вырвали сумку! Я ничего не могла поделать!

– Ты будешь терять ключи, а я должен тратить свое время... ты вообще понимаешь, что я сейчас чувствую? Я потерял близкого человека, а ты вяжешься ко мне со своей ерундой!

– Близкого человека? – повторила Марина его слова. – Да уж, я знаю, насколько близкого!

– Да что ты знаешь! – крикнул Антон. – Что ты можешь знать? Ты – пустое место, ноль без палочки! Ты не представляешь, какой она была! В ней было столько жизни... Вам всем до нее – как до неба! Лучше заткнись, ничего не говори, а то...

– А то – что? – не выдержала наконец Марина. – Что ты теперь сделаешь? Что еще ты можешь мне сделать? «Ты это не тронь, – передразнила она мужа, – я с ней с самого детства знаком, сто лет почти...» Знаю я, какое это знак...

Она замолчала на полуслове, потому что муж залепил ей здоровенную пощечину – такую, что клацнули зубы и голова едва не отвалилась. Марина отлетела от двери и сползла по стене на пол, а Антон, даже не взглянув на нее, вылетел из квартиры, как пробка из бутылки.

Марина с трудом поднялась, опустилась на пуфик в прихожей и мрачно уставилась в стену перед собой. И с этим человеком она прожила семь лет! Больше того – собиралась прожить всю жизнь! Как она раньше не замечала в нем этих качеств – грубости, лживости, душевной черствости... Хотя, конечно, не стоило с ним заедаться сегодня. Хамил он всегда, но ни разу не поднимал на нее руку. Ладно, сейчас нужно успокоиться и приложить к щеке лед, а потом уж она подумает, что делать дальше.

Решив больше не вступать с мужем ни в какие разговоры, она сунулась на кухню за льдом, потом посмотрела на себя в зеркало. Щека распухла на глазах. Какая же скотина Антон!

Вдруг, непонятно почему, она вспомнила Георгия – и странным образом на душе стало светлее. «Как же так, – подумала Марина, – я даже не вспомнила о нем за эти сутки, мне даже не пришло в голову позвонить ему, выразить сочувствие, поддержать... ведь Камилла была его женой, это так просто не зачеркнешь, какие бы сложные отношения их ни связывали...»

Она достала мобильный и хотела набрать номер Георгия, но тут телефон зазвонил. Отчего-то Марина вообразила, что это Георгий сам позвонил ей. Номер был незнакомый, но ведь раньше они никогда не перезванивались. Почувствовав неожиданное волнение, она поднесла телефон к уху и проговорила:

– Я сама хотела тебе позвонить...

– Вот как? – раздался в трубке незнакомый насмешливый голос. – Интересно...

– Кто это? – опомнилась Марина.

– Но ты же хотела мне позвонить, значит, знаешь, кто я... – из трубки донесся хриплый надтреснутый смех.

– Я ошиблась. Кто вы? Что вам нужно?

– Мне нужно то, что ты взяла у Камиллы! – резко проговорил незнакомец. – Ты поняла? Если не отдашь – тебе придется об этом серьезно пожалеть!

И не успела она ответить, как из трубки уже неслись короткие сигналы отбоя.

Тупо глядя в стену, Марина попыталась разобраться в происходящем.

Кто это звонил и что этому человеку нужно? Ясно, что он не ошибся номером, хотя она готова поклясться, что никогда раньше не слышала этого голоса. Он хочет, чтобы она отдала ему то, что взяла у Камиллы. То есть флешку, которая лежит в синей косметичке...

Только тут Марина вспомнила, что оставила косметичку Камиллы в кадке с тем самым уродливым волосатым растением, которое так невзлюбил шеф.

Но откуда этот человек может знать, что она стащила флешку у Камиллы? Это кто-то из своих, из сотрудников студии? Он видел, как Марина вытащила косметичку из сумки, но не заметил, как спрятала ее в кадку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.